

ЕЛИЗАВЕТА
ДВОРЕЦКАЯ
Огненный вояка

КНЯЗЬ ВОЛКОВ

Елизавета Дворецкая
Огненный волк.
Книга 2: Князь волков
Серия «Князья леса», книга 2

Текст предоставлен издательством «Крылов»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164765
Князь волков: Крылов; Санкт-Петербург; 2007
ISBN 978-5-9717-0427-0

Аннотация

Тому, кто родился оборотнем, нелегко в мире людей. Не в силах изменить свою полубожественную-полузвериную природу, Огняр, сын Велеса, оставляет Чурбор и уходит в лес, чтобы жить среди волков, как один из них. В жестокой схватке одолев Белого Князя Волков, он сам становится вожаком лесного племени. Но человеческий мир зовет его – Огняра ждет борьба за чуроборский престол и за новую встречу с его возлюбленной Милавой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	42
Глава 3	82
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Елизавета Дворецкая

Огненный волк.

Книга 2: Князь волков

Глава 1

На заре Ярилины дня¹ алое сияние широко разливалось по небу, обещая хороший день. Но в ельнике и сейчас было сумрачно и неудобно. Зеленые раскидистые лапы застили свет, рыжая хвоя проминалась под ногами, пробирал сыроватый холодок, давая знать о близком болоте. Тропинка между елями была едва заметна, чужой и не найдет.

Выставив вперед локоть, Лобан старался защитить лицо от хлестких ударов еловых лап, и скоро весь рукав почти до плеча намок, хоть выжимай. По всему телу от него рассыпалась зябкая дрожь, едва утихшие боли в спине с каждым неловким шагом заново напоминали о себе. То и дело ветки цепляли за рубаху, норовили сбросить с головы шапку – еще покланяешься Лесному Деду!

Выйдя на поляну, Лобан остановился ненадолго, перевел дух. Когда-то он сам, еще подростком, помогал строить эту избушку для ведуньи, но сейчас с трудом верилось, что она

¹ Ярилин день – 4 июня.

сотворена человеческими руками, а не выросла здесь сама собой, как гриб. Ее низкие стены были темны, как еловая кора, тяжелая дерновая крыша поросла мхом, крошечное окошко – в толщину одного бревнышка – смотрело на поляну, как черный глаз того света. До лесной нежити здесь было ближе, чем до живых людей, и живые не ходили сюда без большой надобности. А нужда крепче оглобли гонит.

С самого травеня,² с того утра, когда звончевский воевода попросил Брезя к себе в кмети, Лобан с Вмалой не знали покоя. Едва хворь отпустила Лобана, как Брезь запросился в Звончев. Разными уловками и уговорами подождать его удерживали дома, но сколько же можно тянуть? Брезь перестал заводить разговоры о дружине, но Лобан знал своего сына. Как только он убедится, что отец может справиться со всей работой без него, он уйдет. А родичи вовсе не хотели его лишиться. Были и другие причины, заставившие Лобана тайком отправиться за помощью к ведунье, но все же он не сразу сумел заставить себя шагнуть к крыльцу.

Осенив лоб и плечи оберегающим знаком огня, Лобан направился к избушке. Рослого, здорового мужика с сединой в бороде пробирала мелкая противная дрожь, как несмышленного ребенка в темной пустой избе. Ведунья не любила гостей и встречала их неласково.

Тяжесть мешка с пирогами – последней чистой муки не пожалели! – и берестянки меда придавали Лобану немно-

² Травень – месяц май.

го уверенности: все-таки не пустой иду. Он шагнул к серому низкому крылечку и тут же отпрянул назад, едва сдержал возглас – со ступенек почти под ноги ему кинулась тускло-серой извилистой стрелой гадюка. Лобана прошиб холодный пот; гадина спряталась в папоротниках под стеной, а Лобан еще долго стоял, то глядя на качание широких зеленых листьев, то обшаривая взглядом крыльцо. Там стоял черепок с молоком, подернутым пленкой, с упавшими хвоинками. «Откуда молоко-то у нее? – мелькнуло в мыслях у Лобана. – Вроде не носили ей... Не от лосихи ли?»

Он еще раз оглядел крыльцо – других змей вроде бы не было.

– Заходи, коли пришел! – раздался из избушки сухой, неприятливый голос Еловы, и Лобан вздрогнул.

Одной рукой крепче прижав к груди поклажу, другой он снова осенился знаком огня, помянул Деда и толкнул влажную, разбухшую от вечной сырости дверь.

В избушке было темно, как в норе, и от темноты казалось очень тесно. Только окошко в стене светилось, как глаз в белый свет. Низко нагнув голову под притолокой, Лобан шагнул за порог, с опаской ступил вниз, на земляной пол; так и казалось, что сейчас под ногой заизвивается что-то живое. Запах сырости и еловой хвои в избушке был даже сильнее, чем на поляне, он словно сгустился и настоялся здесь, в вечной тьме, без солнечных лучей и ветра.

– Дверь прикрой, чай, не свадьбу ждем! – так же нелас-

ково приказал голос, и только по голосу Лобан разобрал, в какую сторону поклониться.

Ведунья сегодня была не в духе. Поспешно выполнив приказание, мужик поклонился раз, встряхнул своими приношениями и поклонился снова, не зная, что с ними делать.

– На ларь поставь! – велел голос.

Глаза Лобана попривыкли к темноте, он разобрал громаду ларя возле самой двери. Он ткнул мешок и берестянку на крышку ларя, там что-то зашуршало, и Лобан поспешно отстранился. Ему, привыкшему к просторной и сухой родной избе, здесь было неловко, тесно и жутко, как в волчьей яме, даже хуже – в яме хоть небо видно.

– Я к тебе, матушка! – заговорил Лобан, снова кланяясь и подбирая к животу опустевшие руки. – Помоги моему горю! Ведь...

– Знаю! – бросила из угла ведунья.

Голос ее шел снизу, словно она сидела на полу, но Лобан не мог разглядеть ее в углу, куда совсем не проникал свет. Да в человеческом ли она теперь облике? – мелькнуло у него сомнение. Покажись ему сейчас огромная сова с круглыми глазами, он ужаснулся бы, но не удивился.

– Ведь сынок-то мой... – снова начал Лобан.

– Лишнего не говори! – оборвала ведунья. – Боги все знают, а Лес все слышит. Чего от меня хочешь?

– Чего мне хотеть? – Лобан растерянно развел руками. Теперь он уже различал неясные очертания женщины, сидящей

на полу. – Одного прошу у богов – в старости покоя, рода продления. Один он у меня. Не он, так и... Девки со двора улетят – кто меня в старости утешит?

– Судьбой и боги не владеют, она ими владеет.

– Чтобы сын мой дома остался – только того и прошу.

– Ну так привяжи за ногу – авось не убежит! – с издевкой ответила ведунья. – Парень молодой, здоровый – кто же его удержит? Да и обещали вы воеводе, что отпустите. Гривну³ взяли за него!

– Вот мы что надумали, – нерешительно заговорил Лобан. – Женить бы его. От жены, поди, не убежит и к воеводе. А мне бы внуков повидать, пока жив.

Из угла раздался тихий звук, похожий на скрип сухого надломленного дерева, – ведунья засмеялась. Лучше бы бранилась – от смеха ее брала жуть, как будто нечисть и нежить уже опутали тебя невидимой сетью и радуются поживе. Правду говорят – доброго духа вещей человек в ельнике не поселится.

– Мало ли девок? – спросила Елова. – Что лягушек в болоте!

– Мало немало да ведь он не глядит более ни на кого. Все свою прежнюю вспоминает. А неволить – сердце не камень. Сын ведь, родная кровь.

– Кровь... – протянула ведунья, и непонятно было, удо-

³ **Гривна** – 1 – денежная единица, около шестидесяти граммов серебра; 2 – шейное украшение, могло служить показателем чина и знаком отличия.

вольствие или отвращение вызывало у нее это слово. – Кровь спит, кровь молчит... Приворожить сына хочешь? Сам, своей волей, хочешь ему кровь разбудить?

– А... ведь... – Лобан мялся, но ведунья молчаньем требовала ответа, и он выдохнул, словно в прорубь кинулся. – Да ведь надо род продолжать! Хоть как – коли иначе боги не дают.

– Не тебе знать божью волю! – воскликнула ведунья, и у Лобана упало сердце – не хочет помочь. – Своей судьбы и сам Отец Сварог⁴ не знает, а что знает – переменить не может. Откуда тебе знать, в чем судьба твоего сына? Боги у него отняли невесту – может, они ему непростой путь готовят, может, в Кошное владение⁵ дух его за ней устремится, тайны ему откроются, станет он вещим человеком, даст ему Велес⁶ песенный дар или смертный страх отнимет – и будет твой сын витязем славным, никем не победимым? Он идет дорогой своей судьбы, а тебе только и заботы – дома его держать, возле печки, к бабьему подолу привязать?

– Ой, да что ты такое толкуешь? – Лобан оторопел, замал руками, словно гнал прочь безумные видения. – Мало ли

⁴ **Сварог** – верховное славянское божество, отец богов и создатель мира, давший людям металлы и ремесла, хозяин Верхнего Неба, где хранятся запасы воды для дождя и живут души предков, покровитель брака.

⁵ **Кошное владение** – царство мертвых.

⁶ **Велес (Волос)** – один из главных славянских богов, хозяин подземных богатств и мира мертвых, покровитель лесных зверей и домашнего скота, бог охоты, скотоводства, торговли, богатства и всяческого изобилия.

баб мрет, что же, всем мужикам теперь...

– Баб немало мрет, да не все мужики полгода на свет не глядят.

– Чего не глядит? – Лобан даже осмелился возражать, так не понравились ему речи ведуньи. – Еще как глядит! Парень как парень, от работы не бегают, от людей не прячется, песни поет. Кметя того вон как приложил...

Ведунья опять засмеялась, и Лобан запнулся – ему показалось, что он сказал несусветную глупость, а ведь все было по правде! В избушке повисла тишина, и Лобану казалось, что он ощущает на своем лице взгляд ведуньи, протянутый из темного угла, как липкую паутину.

– Ну, коли ты за сына его судьбу решил... – начала ведунья.

– Что ты, матушка! – прервал ее Лобан, совсем растерявшись перед непонятными вопросами ведуньи и ответами еще хуже вопросов. – Где мне? Как люди, так и нам бы. А коли не прав я, так ты скажи!

– Сам Сварог о своей судьбе спрашивать ходил, а что услышал, и того не понял, – размеренно ответила Елова. Голос ее стал безразличным, тусклым, как осеннее небо. – И в Верхнем Небе⁷ не тот решает, кто знает. Чего просишь, то тебе и дам. Да помни потом – сам хотел. Говори: кого в невестки хочешь?

⁷ **Верхнее Небо** – верхний ярус небосвода, в котором хранятся запасы небесной воды и живут духи предков.

– Да все равно! – с горечью ответил Лобан. – Кто ни будет...

– После не пеняй – кто будет, я не знаю, да уж сорвал гриб – назад не посадишь.

Лобан молчал, а ведунья быстро встала на ноги, с колен ее метнулся в угол маленький черный зверек. В другом углу висели связками и пучками целые охапки трав. Елова прошла туда и принялась рыться в травах, не глядя на Лобана. Травы тихо шуршали, веточки и листья падали на пол, волны всяческих лесных запахов, знакомых и вовсе неведомых, окутали Лобана. В носу у него защекотало, словно маленькая проказливая Болотница просунула тонкий коготок, и он задержал дыхание, чтобы ненароком не вдохнуть чего-нибудь, не ему предназначенного.

Наконец Елова вышла из лесного снопа, вся обсыпанная сухой зеленой трухой, до жути похожая на Лесовицу.⁸ В руках у нее был зеленовато-серебристый стебель с длинными узкими листьями. Сперва Лобан не понял, что это такое, но тут же его кольнул смутно знакомый, тревожный, запретный запах – любомель, любя-трава, туманящая разум и зажигающая кровь, наполняющая тело томленьем. Лобану стало стыдно, но тут же он сам себе напомнил: за тем и пришел. Кому боги помогли, тот у болота помощи не просит.

Не глядя на него, Елова обеими руками поднесла к лицу стебель и стала шептать, овеявая дыханьем каждый листочек:

⁸ Лесовица, Лесовуха – лесной дух, лешачиха.

Трава любомель, проснись-пробудись,
К словам моим обратись, мне подчинись!
Бери кремень и огниво,
Разожги сердце ретиво,
Мечи в очи дым, в кровь яр огонь,
Мечи яр огонь в кости и в жилы,
В семьдесят суставов,
Полусуставов, подсуставов,
Чтоб тоска твоя горевала,
Плакала-рыдала,
Бела света не видала...

Ведунья бормотала дальше и дальше, всех слов Лобан уже не разбирал, но быстро покрывался холодным потом, словно волшебная сила, которой наделялась трава любомель, черпалась Еловой из него самого.

– Держи! – Елова протянула ему наговоренную траву, и Лобану вспомнилась тускло-серая гадюка, метнувшаяся ему навстречу у крыльца.

Пересилив себя, он взял траву, стараясь не коснуться пальцев ведуньи.

– Дальше сам догадаешься, или обучить? – со злой насмешкой спросила Елова. Лобан так и держал траву перед собой, не зная, куда и как спрятать.

– Спасибо, матушка! – глухо ответил он и поклонился, убрал руку с любомелем за спину.

– Смотри – будут внуки лишние, я приберу! – крикнула ему вслед ведунья и опять засмеялась, зашипела.

Лобан толкнул дверь и выскочил наружу, как из ямы. Хорошо еще, ведунья не потребовала отдать ей одного из будущих внуков – нет, на такой уговор он бы не пошел!

Даже сумерки и прохлада ельника показались Лобану светом и теплом после избушки, и он кинулся прочь, будто тьма и сырость гнались за ним, тянули из избушки цепкие костлявые лапы, грозили затащить обратно. Зажатый в пальцах любомель дразнил тонким, остро тревожащим запахом, и Лобан отвернулся от него, словно нес зачем-то дохлого гада. И это – сыну родному, в светлый Ярилин день?

Выйдя из ельника в березняк, Лобан наломал березовых веток и спрятал между ними любомель, чтобы не идти с ним по займищу⁹ на виду у всего рода. Но все равно тонкий запретный запах пробивался через чистое дыхание свежей березовой листвы и покалывал, как напоминание о постыдном поступке.

– Эй, Лобан! Раньше всех поднялся, видно, первое счастье себе ухватил? – весело кричали за тыном.

Заслышав голоса родовичей, Спорина с недоплетенной косой выбежала за ворота. Так и есть – отец идет от опушки, и в руках у него целая охапка березовых ветвей. Сначала Спорина удивилась и даже рассердилась – да дошел ли он, куда ходил? Нет, мешка и берестянки при нем больше не

⁹ Займище – отдельное поселение в лесу.

было, стало быть, дошел. Не под березой же оставил пироги, Ладе¹⁰ и берегиням¹¹ на угощение! Богиня Лада уже не поможет. Она свое слово уже сказала, да только кануло оно, как золотое кольцо в черную прорубь.

Лобан вошел в ворота, и Спорина торопливо подалась ему навстречу. С белой зари, проводив отца в ельник, она мучилась тревогой и нетерпением. По напряженному взгляду отца она догадалась: и был, и говорил, и дело сделал. Но сейчас спросить не удавалось: сам Брезь был на дворе, с плеском умывался у бадейки, а Милава поливала ему из ковша.

– Вот славно, батюшка! – весело закричала она, увидев отца с охапкой березы. – К нам Ярило раньше всех пришел! Даже Бебричи и то вот-вот мимо нас пошли в березняк, а ты уж назад! Даже раньше Востреца! Что же ты нас не разбудил?

– А уж Востреца один заяц обгонит! – со смехом подхватил Брезь, вытирая мокрый лоб рукавом рубахи.

Милава сдернула с плеча вышитое полотенце и сунула ему в руки. Глядя на этого рослого, здорового, румяного парня, никому и в голову бы не пришло, что ему нужна помощь ведуньи.

Милава потянулась к охапке ветвей в руках Лобана, но отец поспешно отстранился.

¹⁰ **Лада** – богиня весеннего расцвета природы, покровительница любви и брака.

¹¹ **Берегини** – мифологические существа в виде птиц с девичьими лицами, приносящие весной росу на поля и способствующие урожаю.

– Сам, сам разложу! – сказал он, видя удивление на лице младшей дочери. – А ты беги собирайся, а то от сестер отстанешь!

– Беги, беги! – подхватила Спорина, торопясь избавиться от Милавы. – Негоже отстать – в первую-то весну! Так и замуж идти отстанешь!

– А ты сестру не погоняй – сама сперва выйди! – вступился за Милаву Брезь.

– Да ну тебя! – с неожиданной злобой огрызнулась Спорина. – С тобой выйдешь!

И она бросилась в избу, куда ушел Лобан с охапкой березы. Спорине не терпелось расспросить его о походе к ведунье – это был ее замысел. Ей стоило немалых трудов уговорить отца просить о помощи Елову, и кроме них двоих об этом не знал никто во всем роду Вешничей, даже мать.

– Ну, что? – взволнованно напустилась Спорина на отца, прикрыв за собой дверь из сеней и с одного быстрого взгляда убедившись, что в избе больше никого нет. – Что она сказала?

– Сказала... – начал Лобан и запнулся, не пытаясь даже передать темные речи ведуньи. – Вот что дала.

Он вывалил охапку березовых веток прямо на стол, осторожно разобрал их и вынул из груды стебель любомеля. Спорина схватила его, осмотрела, понюхала; сообразив, что это такое, она поспешно бросила его снова на стол, на ее лице был испуг.

– Прибери! – сурово велел ей отец, оглядываясь на дверь. Со двора слышались голоса Брезя, Милавы, матери, брата Бебри, смех и возгласы Бебриных дочек.

– Уж что просили, то и получили, – невольно повторил Лобан слова Еловы. – А коли взяли, так теперь назад не отдашь. Он словом сильным заговорен. Подумай лучше, как его теперь...

Лобан не решился сказать вслух, но Спорина и сама понимала: теперь нужно как-то дать эту траву брату. И хотя почти весь русалий месяц¹² кресень был еще впереди, ей хотелось поскорее довести свой замысел до конца. Спорине некогда было ждать!

Она снова схватила любомель со стола, торопливо огляделась, сдернула тряпку с горшка и завернула в нее сухой стебель. Сунув его в ларь со своим приданым – сюда никто не полезет, – Спорина потерла ладони о бедра, словно хотела стереть следы коварной травы. Но тонкий запах не спрятался весь вместе со стеблем, а продолжал тревожить отца и дочь.

– А ну и пусть! – шепотом, упрямо и вызывающе воскликнула Спорина, отвечая уколам совести и тревоги, терзавшим их обоих. – Пусть! Что же ему, уйти от нас? На чужую дружину родичей променять? И весь век бобылем оставаться, людям на смех, роду на позор! И мне с ним! Мне-то за что? – Лицо Спорины исказилось яростной досадой, копившейся в

¹² **Русалья неделя** – неделя перед Купалой, время подготовки к празднику. Русалий месяц – другое название июля.

ней целых полгода. Прядка волос упала ей на лицо, она раздраженно заправила ее за ухо. – У, проклятые! – сама не зная кого обвиняла она. – Полгода хожу сговоренкой,¹³ ни почелка,¹⁴ ни повоя,¹⁵ так и поседею с вами, люди засмеют!

– Ну, тише, тише! Услышат! – Лобан обнял старшую дочь за плечи, погладил по растрепанной, ничем не покрытой голове. – Уймись. Теперь-то все на лад пойдет, – утешал он не то Спорину, не то самого себя. Вот увидишь – завтра же Брезь будет с невестой, а там на Купалу¹⁶ и твою свадьбу сладим. К Медвежьему дню¹⁷ уже с двумя внуками буду! Эх, помогите нам, чуры¹⁸ наши добрые!

Поверх головы Спорины Лобан посмотрел в дедов угол и вздохнул. Велесов Сноп уже был давно растерт на зерна, смешан с зерном для нового посева и возвращен Матери-Земле, а без него в избе было неуютно, как неуютно детям без защиты и присмотра взрослых.

Стукнула дверь сеней.

– Чего закрылись, будто зима на дворе! – задорно прокричал голос Брезя. – Не Снеговолок¹⁹ ломится, не Костяник,²⁰

¹³ **Сговоренка** – сговоренная невеста.

¹⁴ **Почелок** – венец, девичий головной убор.

¹⁵ **Повой** – женский головной убор, закрывающий волосы.

¹⁶ **Купала** – один из главных славянских праздников в дни расцвета природы, отмечается около 23 июня, является днем конца весны и начала лета.

¹⁷ **Медвежий велик-день** – праздник начала весны, 25 марта.

¹⁸ **Чуры** – духи предков.

¹⁹ **Снеговолок** – зимний дух, сын Зимерзлы.

а сын родной!

Спорина выскользнула из рук отца, торопливо пригладила волосы. Лобан взял со стола ветку березы и стал прилаживать ее под матицу.²¹ Спорина кинулась ему помогать, и к приходу Вмалы с лукошком свежих яиц уже вся изба зеленела и благоухала березовой листвой.

Явились Брезь и Милава, со смехом гонясь друг за другом и норовя хлестнуть березовой веткой, в избе сразу стало шумно и тесно. Милава кинулась разжигать огонь в печи, загромыкала железной сковородой. Сегодня она впервые шла вместе с другими девушками-невестами угощать березки, приносить жертвы богине Ладе. Она не просила жениха, как другие, – он у нее уже был. Она думала об Огнеяре, и этим ясным утром Ярилина дня, в день праздника юности и любви, умом и сердцем она верила, что он еще вернется к ней и все будет хорошо. Сегодня она забыла все свои тревоги и сомнения, не хотела их знать. Свежая зелень листвы, яркое солнце обещали ей счастье, и она верила им.

– Батюшка-Огонь, всем отцам отец, всем князьям князь! – бормотала она, стоя на коленях перед глиняной печкой, упрашивая Огонь не погубить самую важную яичницу во всем году. Когда просто так – все удастся, хоть князя примимай в гости, а как в рощу идти кланяться Ладе и берегиням – так все из рук валится!

²⁰ **Костяник** – зимний дух, сын Зимерзлы.

²¹ **Матица** – опорная балка избы.

– Да не суетись ты! Хуже пожара! – досадливо крикнула на нее Спорина, когда Милава, неловко повернувшись, ткнула ее в бок деревянной рукояткой сковороды. Сама она еще три года назад впервые пошла с жертвой в березняк и совсем забыла, как волновалась тогда.

– Не ворчи под руку! – в ответ крикнул ей брат и даже дернул за косу. – Сама не идешь – другим не мешай!

Спорина злобно дернулась от него в сторону, закусил губу, но промолчала. За те полгода, что она была сговорена, но из-за брата ее не пускали замуж, ее родственная любовь к Брезю превратилась в досаду, раздражение, почти неприязнь. Может быть, светлое утро Ярилины дня в избе Лобана омрачилось бы ссорой, но со двора раздалось пение нескольких звонких девичьих голосов:

Пойдем, сестричка,
Завьем веночки!

Это девушки Вешничей обходили избы, собирая сестер. Ахнув, Милава заметалась по избе, кинулась то в дедов угол, где ждали испеченные еще вчера пироги, то к ларю, где хранилась рубаха в дар берегиням. Приглаживая на ходу волосы, оправляя нарядную рубаху и вышитый красный почелок на голове, Милава стряхнула еще горячую яичницу в горшок, сгребла в охапку пироги и рубаху и побежала на двор. Брезь смеялся, Лобан и Вмала улыбались ей вслед, ласково

качали головами.

– И не оглянулись – и меньшая уж невеста! – со светлым вздохом сказала Вмала.

Казалось, только вчера сама она была такой же девушкой с пестрыми птичьими перышками, украшавшими почелок, как носили в роду Скворичей.

– Ладно, давай-ка завтрак собирай! – сказал жене Лобан. Он видел замкнутое лицо старшей дочери, жалел ее и хотел скорее кончить разговоры о невестах.

Едва домочадцы Лобана уселись за стол, вокруг большого горшка с горячей ячменной кашей с конопляным маслом, как в дверь постучали.

– Чурам поклон, внукам мир и достаток! – раздался густой мужской голос, и Спорина тут же вскочила из-за стола, кинулась впускать и приветствовать гостя.

Вошел невысокий, но плотный русобородый мужик, чуть постарше Лобана, в рубаше, вышитой ветвистыми оленьими рогами, что указывало на род Боровиков. Это был Закром, отец жениха Спорины. В голосе девушки, звавшей гостя к столу, была неподдельная радость: приход будущего свекра именно сейчас показался ей добрым знаком.

Брезь вышел устроить коня, Закрома усадили за стол, дали новую липовую ложку. Спорина больше не села – «Сыта, батюшка!» – ответила она Закрому, с удовольствием назвав его отцом, и с чистым рушником встала за его плечом, готовая подать что-нибудь, волнуясь, то и дело поправляя во-

лосы. Без почелка, который нареченной невесте не пристал, ее волосы вечно расползались, лезли в глаза, и Спорина не могла дожидаться того дня, когда они наконец надежно спрячутся под женским повоем.

– Хоть и рад я вас всех повидать, а ведь не от безделья за столько верст ехал, – заговорил Закром, отдав честь хозяйскому угощению. – Потолкуем, родичи мои любезные, как наше дело торговое? – Он оглянулся на Спорину, и она выразительно вздохнула: прямо сейчас бери меня, батюшка, и вези к себе, я только того и жду! – Что ваш набольший-то говорит?

– Что раньше, то и теперь! – с досадой и стыдом ответил Лобан, хотя его вины тут не было. – Пока, говорит, себе невестку не приведете, девку в Боровики не отпустим. Мы, говорит, не так людьми богаты, чтобы своих отдавать, а себе не брать.

Из сеней вошел Брезь. Он слышал последние слова, понял, о чем идет речь; лицо его напряглось, он больше не пошел к столу, а сел на край лавки у порога.

– А что о невестке мыслите? – спросил Закром у Лобана. – Одна у вас померла, да ведь не последняя была девка на белом свете! Моховики вам теперь должны другую девку дать взамен. А коли другие у них плохи – у Черничников девок полно, подросли, как грибы, с приданым отдают – только возьмите! Да и из Бортников тамошний кузнец давеча зазывал свататься – дочь у него подросла, сама как пчелка медо-

вая! Что сам-то думаешь?

Закром обернулся к Брезю.

– Что думаю? – повторил Брезь. – В Звончев думаю идти, меня тамошний воевода в свою дружину звал. Родичи согласны были, уже и гривну за меня взяли. Слава Велесу, батюшка мой поправился – теперь вот-вот уйду.

Закром изумленно приоткрыл рот – совсем не такого ответа он ждал.

– Не слушай парня неразумного! – сказал Лобан Закром, суровым взглядом приказывая сыну молчать. – Как взяли гривну, так и назад отдадим, а твердого уговору не было. Мало у нас людей в роду, чтоб на все четыре стороны здоровых парней отпускать! Не пойдет мой сын из рода. Ныне же он себе невесту высмотрит, и на Купалу обе свадьбы справим. Возьму я в дом невестку, а дочку мою вам отдам. Пусть чуры наши будут послухами:²² после Купалы Спорина моя в ваш род войдет!

– Вот это добрый разговор! – одобрительно воскликнул Закром. – Вот, давно бы! Как зима ни холодна, а всякий раз весной сменяется! И сердце человечье погорюет-погорюет да и оттает опять!

Закром оглянулся на Брезя. Парень сидел, опустив голову, свесившиеся пряди волос закрыли ему лицо. Он ждал этого. Что ж – придется ему уходить, не прощаясь. Воевода Пабедь примет его и без благословения родичей. Брезю

²² **Послух** – свидетель при заключении договора или торговой сделки.

горько было думать, что его проклянут и забудут, но здесь ему жизни не было. Теперь еще заставляют жениться, а он не мог представить другую женщину своей женой и матерью своих детей. Мать Макошь²³ судила ему Горлинку – или она, или никто.

Но возражать было бесполезно, никто не стал бы сейчас его слушать. Решают старшие, а его дело – исполнять.

Когда Лобан с домочадцами провожали гостя, солнце уже перешло за полдень, воздух налился теплом, золотые солнечные лучи обливали ближний березняк. Шумели свежие березовые ветви над дверями каждой избы, по всему займищу звенели веселые голоса, Лада и Ярило вошли в каждый дом, обещая детям силы и здоровье, молодым – счастье в любви, старикам – мирную и легкую старость.

Милава притащила из березняка огромную охапку свежей травы с цветами, с листьями земляники – как только донесла! – и засыпала травой весь пол в избе. На полу и на стенах теперь шелестела зелень, пахло березовой листвой, травой и цветами, словно сам березняк зашел в дом погостить. После своего первого величания березок Милава была взволнована и счастлива, пела, смеялась, радостно рассказывала, что было в роще, то и дело сама себя прерывала на полуслове и тревожно оглядывалась на отца и брата: не сказала ли чего-нибудь такого, чего нельзя слышать мужчинам?

²³ **Макошь** – главное женское божество славян, богиня земного плодородия, урожая, покровительница женской судьбы и всех женских работ.

Родители и брат улыбались, слушая ее, и только Спорину не трогала радость младшей сестры. Траву любомель не шла у нее из ума. Мало было получить траву у ведуньи – как ее дать брату? Он не больной, не нечистый, чтобы есть из особой миски, а в общий горшок любомель ведь не положишь! Похлебка и жареный ягненок на обед ничем не могли ей помочь, и Спорина волновалась тем больше, чем ближе был вечер. Но отступаться от замысла она не собиралась. Спорина знала, что и ее свадьбе не бывать прежде братовой. Время идет, жених ждет, сердится, да и самой надоело ходить в сговоренках – ни Зимерзле²⁴ метель, ни Яриле капель! Никто по полгода не ждет, она одна, как недужная какая! А все из-за Брезя упрямого. И чего он тянет? Не так уж хороша была его прежняя невеста, чтобы теперь на других девок не глядеть!

Перед вечером Милава опять убежала к сестрам, отец и Брезь стучали топорами на дворе, а Вмала и Спорина пекли пироги. Тайком Спорина достала из ларя стебель любомеля, отщипнула пару листочков, растерла между ладоней в мелкую пыль. Выждав, чтобы мать отвернулась, Спорина схватила из чаши с приготовленной начинкой горсть рубленого яйца с луком и вмешала туда любомель. «Помоги, боже Ярило, сладить дело; как пирог лепится, так пусть брат мой Брезь к девке ладной прилепится!» – про себя зывала Спорина, залепливая края пирожка. Вдавлив в свежее тесто сухую ягоду брусники, Спорина сунула пирог к остальным

²⁴ **Зимерзла** – олицетворение зимы.

и торопливо, в который раз за этот день, отерла руки.

Когда в небе засерели сумерки, вся молодежь Вешничей, Черничников, Моховиков, Боровиков, Бортников стала собираться к берегу светлой Белезени, к широкой луговине перед березняком, где когда-то еще дедушки их повстречали бабушек и где широкие круги из гладких камней отмечали места священных костров. Все шли нарядные, веселые, с венками на головах, со свежими березовыми ветвями в руках, по дороге пели, братья и сестры дразнили друг друга, хлестались березовыми ветками.

Милава нарвала целую охапку цветов и сплела два венка: себе и брату. Ее тоже совсем не радовало желание брата уйти из рода – она любила его больше всех родичей, и мысль о разлуке была ей тяжела. Ей тоже казалась спасительной мысль о его женитьбе. Она понимала любовь брата к Горлинке и нежелание заменить ее другой – так и сама она не думала даже заменить Огнеяра другим. Но все же она была бы счастлива, если бы Брезь одолел свою тоску по умершей и нашел другую невесту.

– А помнишь, у меня в Бортниках подружка есть, Брусничка? – заговорила она на ходу, держа под мышкой пучок цветов и зелени, прижимая к груди недоплетенный венок. – Мы с ней одной весны, она тоже теперь невеста. Вот ее бы к нам! Она лучше всякой ведуньи скотину заговаривать умеет, а вышивать я так и к старости не выучусь! Вот бы тебе ее

взять – как нам с ней хорошо будет, мы вовек не поссоримся! Ну, и тебе тоже...

Брезь улыбнулся любимой сестре и ласково потрепал ее по затылку, по светло-русым волосам, украшенным пышным венком.

– Ах, заботница моя! О невестке хлопчешь, да ведь тебе самой недолго с нами жить! И не оглянемся, как тебя добрый молодец из дому умчит!

Милава решительно замотала головой:

– Я так быстро не хочу. Спорину увезут, кто ваших детей будет качать?

– Вот, глянь, как Спорина о нас позаботилась! – Брезь вынул из-за пазухи пирог, завернутый в холстинку. – На прощание дала. Видно, боялась, что от голода ослабеем, до Белезени не дойдем? Хочешь?

– Дома наелись... Ой, чего это? – Милава ковырнула темное пятнышко на румяном боку пирожка. – Брусничка пристала! Ах, брате, верно говорю – Брусничку будешь сватать!

Милава со смехом хлопала в ладоши, даже запрыгала на месте, роняя цветы, очень довольная таким удачным предзнаменованием. Брезь тоже усмехнулся, откусывая от пирога. Он совсем не помнил лицо Бруснички, да уж наверное, она ничем не хуже других. Но и такой, как Горлинка, уже не бывать. Даже сейчас, через полгода после смерти невесты, все другие девушки казались Брезю серыми уточками рядом с белой лебедью, но лебедь эта жила только в его памяти. Со-

знание долга перед родом смущало Брезя. Он видел огорчение матери, лишенной невестки и внуков, досаду отца, который не мог отдать Спорину Боровикам и оказался нарушителем уговора. Он не знал, как примирить их с его судьбой и себя с ними, и старался не думать об этом.

Пару раз откусив от пирога, Брезь бросил его в густую траву – Лесовички подберут. Есть ему совсем не хотелось.

На широкой луговине уже горели костры – Моховики и Бортники поспели раньше. Вешничей встретили веселыми криками, стайки молодежи смешались, братья и сестры из разных родов здоровались, расспрашивали и делились новостями. Милава кинулась искать Брусничку и скоро привела к Брезю за руку высокую, стройную, румяную девушку с большими серыми глазами, которые она застенчиво отводила, но то и дело поглядывала на Брезя. Милава с детства прожужжала ей уши о том, какой у нее красивый, умный, смелый, веселый брат, и Брезь понравился Брусничке.

Брезь улыбался, видя старания младшей сестры ему помочь. Он помнил, что ничего не выйдет, что дня через три его уже здесь не будет, но не хотел напоследок отказываться от общего веселья. Ну, Брусничка так Брусничка! Красивая девушка, здоровая, и нравом неплоха, раз с Милавой дружит. И когда Белянка, самая бойкая девушка Боровиков, криками и хлопаньем стала созывать всех в хоровод, Брезь взял Брусничку за руку и повел к кострам. Они плясали и кружились с ней вместе, Брусничка смотрела на него уже смелее, сме-

ялась, на щеках ее горел густой румянец – за него, верно, и имя получила. Ее горячие пальцы сильнее сжимали руку Брезя, глаза ее блестели Ярилиным огнем, всеобщее веселое возбуждение захватывало их и несло. Свежие запахи травы и цветов, смешанные с дымом костров, пьянили и кружили голову, давняя печаль его прошла, как весной проходит холм, унесенный теплым дыханием Ярилы. Словно не было всего этого года – Брезь опять стал тем ловким, красивым, веселым парнем, который Ярилиным днем прошлого года на этой же луговине увидел среди Моховиков невысокого роста ладную девушку с милым округлым лицом и мягкими длинными косами – Горлинку.

Вдруг Брезь остановился, прижал руку ко лбу. Ему казалось, что его на всем скаку сбросил конь, и теперь он едва встал на ноги и не может сообразить, куда попал. Все вокруг него кричало, смеялось, несло, прыгало, мелькали белые рубахи, пестрые венки, озаренные красными и рыжими отблесками огня. Он словно раздвоился: первый Брезь возле костра держал за руку высокую девушку с румяными щеками, а другой стоял один и провожал глазами девушку с двумя косами, лежащими на груди, как носили в роду Моховиков.

Выпустив руку Бруснички, Брезь сел на траву, не подумав даже, что об него кто-нибудь споткнется: перед глазами у него все плыло, он не мог понять, где он и когда он. Два Брезя внутри него рвались в разные стороны: один к Брусничке, такой милой, горячей, румяной, а второй все искал Гор-

линку, легкую, неслышную, как тень. Ее мягкие косы, ясные голубые глаза, спокойные и глубокие, как воды Святоозера в тихий летний день, стояли перед его взором так ясно, что казалось – она где-то рядом, неслышно скользит за плечом, только обернись – и увидишь ее.

– Ты чего, Брезь? – Знакомый голос звал его, теплая рука тормошила за плечо. Брезь поднял голову: к нему склонялась Брусничка, но лицо Горлинки вдруг выплыло откуда-то, заслонило ее, слилось с ней.

А кругом веселились, руки братьев и сестер подняли Брезя и опять потянули в хоровод, звонко смеялись девушки, какая-то сорвала с его головы венок и надела взамен свой – Брезь даже не успел увидеть, кто это был. Теперь он пришел в себя, но какая-то сила тревожила его, как лихорадка, дергала в разные стороны, не давала собраться с мыслями. Брусничка смотрела на него с испугом, не смела даже спрашивать, что с ним. Брезь старался улыбнуться ей, чтобы успокоить, но сам себя не понимал, ему хотелось то обнять ее, то оттолкнуть прочь.

Затеяли играть в «просо сеяли». Парни и девушки выстраивались один род против другого и поочередно шли навстречу, держась за руки, притоптывая в лад и выпевая:

А мы просо сеяли, сеяли!

Ладо-ладо, сеяли!

А мы просо пололи, пололи!

Теперь Брусничка была в стороне, а Брезь держал за руку раскрасневшуюся, запыхавшуюся, взволнованную и счастливую Милаву. Сын Долголета держал за руку нарядную Веснавку и подмигивал Брезю на Милаву: поменяемся? «Поймай сначала!» – подумал Брезь, зная, как легка на ногу его сестра. А быть пойманной она пока не хочет. А чего хочет Брусничка? А он сам?

– А мы просо вытопчем, вытопчем! – весело грозили девушки Моховиков, задорно поглядывая глазами, блестящими в свете костров, на правнуков Вешника.

– А мы коней выловим, выловим! – дружно отвечали те.

За выловленных коней полагается выкуп – девушка. По знаку оба ряда рассыпались и девушки с визгом бросились бежать по луговине к березняку. Полутемный березняк мигом наполнился смехом, криками, шорохом бегущих по траве ног, шелестом ветвей, задевающих за рубахи.

Брезь кинулся бежать со всеми, не выпуская из вида Брусничку.

Но едва он вступил в березняк, как непонятная лихорадка накинута на него снова: две сильные руки тянули его в разные стороны, отталкивали друг друга, одна толкала следом за Брусничкой, а другая держала на месте. Брезь остановился, перевел дух, вытер рукавом лоб, прислонился к березе, пытаясь прийти в себя. И тут же ему вспомнилось, как год назад он бежал по этой роще, догоняя Горлинку, видел впереди меж светлых стволов ее белую рубаху, блеск ее мягких

кос. И видение это было так прекрасно, что Брезь не хотел открывать глаза, а стоял, поглаживая рукой прохладную кору молодой березки, гладкую, нежную, как щечка юной девушки. Кружение и звон в голове успокоились, но Брезь уже не помнил, за кем он гнался, когда вступил в березняк. Одна из двух сил победила. Вот по этой прогалине бежала Горлинка, а он мчался за ней, захлебываясь душистым ветром, трава хлестала его по ногам. Вот под той березой Горлинка остановилась, словно задохнулась и не могла больше бежать, обняла березку и скользнула за ствол, прячась за белую сестру, а он с разбегу обнял их обеих, и Горлинка подняла к нему лицо, пылающее от бега и счастья...

Брезь уже не помнил, что с тех пор прошел целый год, ему казалось, что это было только что, что он почему-то отстал, потерял свою любимую, и он огляделся, отыскивая ее. Уже взошла луна, лучи ее ясно заливали березняк, меж светлых стволов было видно далеко, но нигде поблизости больше не было людей, крики и смех утихли.

Вдруг послышался тихий нежный голос, ласковый зов, окликавший его по имени. Он возник из шелеста березовой листвы, и Брезь вскинул голову, огляделся. Ему показалось вдруг, что светлый ствол той березы раздвоился, легкая белая тень отделилась от него, шагнула к Брезю. Трава колыхнулась, но он не услышал шагов. Из тени ветвей вышла девушка в длинной белой рубаше, с венком на голове, с двумя косами, лежащими на груди, как носили в роду Моховиков.

Отсвет луны оживил ее лицо, и у Брезь захватило дух – он узнал черты Горлинки, такой же, как он запомнил ее. Охнув, он сильно потер ладонью глаза, но видение не исчезало – Горлинка наяву шла к нему по шелестящей траве, и лицо ее сияло красотой, как никогда прежде.

– Брезь! Милый мой! Это ты! – горячо и нежно заговорила она, протягивая к нему белые руки. – Ладо мой ненаглядный! Как я ждала тебя, везде искала – вот нашла наконец! Ты не забыл меня?

Она подошла совсем близко, Брезь уже мог бы коснуться ее протянутых рук, но стоял неподвижно, дрожа от волнения и едва переводя дыхание. Он не чуял земли под ногами, не знал, явь это или сладкий сон, навеянный нежным шепотом березовой листвы. Но она, его любимая невеста, единственная Дева,²⁵ стояла перед ним и протягивала к нему руки, от красоты ее занималось дыхание, весь белый свет замкнулся в кольцо вокруг нее.

– Что же ты стоишь? – с волнением и нежной тревогой воскликнула она. – Или ты забыл свою Горлинку? Или ты меня не любишь больше?

– Люблю! – воскликнул Брезь, сердце в нем перевернулось при звуке ее голоса, такого знакомого, родного, нежного.

– Любишь! – воскликнула Горлинка, и лицо ее вспыхнуло

²⁵ **Дева (и Одинец)** – первые люди на земле, когда-то сотворенные богами из деревьев, березы и тополя.

счастьем. Никогда она не была так хороша.

– Люблю! – снова крикнул Брезь и бросился к ней.

Он едва сумел коснуться ее протянутых рук, они были теплы и нежны, как лебединые крылья, а она бросилась бежать, как тогда. Длинные ее косы взметнулись, задев Брезя по лицу, на него пахнуло нежным и сладким запахом цветов, земляники и еще какой-то волшебной травы. Вся сила и непонятная дрожь, терзавшая его в этот вечер, вскипели горячим ключом, и Брезь кинулся вслед за ней, как на крыльях. А она летела впереди, едва касаясь ногами травы, вот-вот догонишь, светлая и легкая, как лунный свет, оборачивалась на бегу, лицо ее горело нежностью и счастьем, ветви сами отклонялись, давая ей дорогу, она смеялась и звала за собой, дальше, дальше – до самого края света.

Брезя хватились на белой заре, когда костры догорели и пора было расходиться по займищам. Раньше Милава не искала его – ей было так весело, и она надеялась, что Брезь веселится тоже. Но вот появилась удивленная и обиженная Брусничка, понятия не имеющая, где он и с кем он. К белой заре все собрались опять на луговину, все девушки были наперечет, а Брезя не было. Вешничи обеспокоились – Брезь не маленький, чтобы просто заблудиться. Едва дождавшись, чтобы рассвело поярче, всей толпой собрались искать его.

Теперь березняк стал не тот – меж стволами колебались серые тени уползающей ночи, трава и листва серебрились хо-

лодной росой, и дрожь окатывала с головы до ног от прикосновения к ней. Девушки зябли, терли руками плечи. Конечно, роса месяца кресеня приносит красоту, но так и простыть недолго! Никому не хотелось углубляться в березняк: разом все вспомнили, что пришел месяц кресень, пора берегинь, прекрасных, лукавых, бессердечных дочерей Дажьбога.²⁶ Тут и там на ветках берез висели венки, которые вчера дарили берегиням, – увядшие, поблекшие, словно седые под налетом росы. Девушки пугливо жались друг к другу, парни старались храбриться, но на сердце у каждого было смутно, рука крепко сжимала оберег на груди. А лучшим оберегом для парня сейчас была рука подруги – таких берегини не трогают.

По двое, по трое и четверо парни и девушки рассыпались по березняку, боязливо-негромко окликали пропавшего брата, но не называли его по имени – берегиням и прочим лесным жителям незачем его знать. Все непрестанно аукались, старались не отрываться далеко, не терять других из виду.

Милава волновалась больше всех. Ей казалось, что все бестолково топчутся на месте, только аукаются возле самой опушки. У нее мелькнула было мысль, что Брезь уже ушел в Звончев, но она прогнала ее – не может быть, чтобы он ушел навсегда, не попрощавшись с ней! С ним что-то случилось!

²⁶ **Дажьбог** – бог тепла и белого света. Водит солнце по небу от летнего солнцестояния 23 июня до осеннего равноденствия 22 сентября.

То и дело Милава отбегала от сестер, заглядывала за каждое дерево, пыталась рассмотреть следы на серебристой от росы траве. Ее звали назад, но Милава никого не слушала. Она тоже боялась берегинь, тоже вздрагивала, услышав шорох и треск веток, но все же шла и шла вперед, все дальше от опушки.

Она вышла на знакомое место – здесь они вчера с другими девушками приносили свои жертвы Ладе и берегиням. На маленькой полянке ветви молодых берез были заплетены венками, украшены цветами и лентами. Вон на ту березку Милава повесила вчера утром вышитую рубаху в дар берегине. Дары других девушек висели на ветвях, а ее рубахи не было. Милава огляделась, думая, не сбросило ли ее ветром, но нигде на мокрой траве не виднелось белого полотна. Зябко обнимая себя за плечи, Милава все смотрела на пустую березку и не могла поверить. Берегини взяли ее рубашку! В другой раз это порадовало бы и ее, и всякую другую девушку ожиданием ответного дара дочерей Дажьбога, но теперь Милава встревожилась еще больше. Берегини здесь, близко! И брат ее был ночью в березняке один...

Милава подняла голову, набрала воздуха, хотела закричать и не посмела. Рядом ощущалось чье-то присутствие. Чей-то взгляд следил за ней из-за ветвей, кто-то зорко рассматривал ее, сам оставаясь невидимым, но Милава ощущала этот взгляд, словно прохладную тягу сквозняка.

Молоденькая березка, украшенная венками, ростом лишь

чуть повыше самой Милавы, задрожала тонкими веточками, заблестела листочками в серебре росы. Тихий, едва уловимый смех плеснул где-то за стволами – или это ветер прошуршал по ветвям?

«Иди! – шепнул чей-то голос прямо в уши Милаве. – Иди, он там!» Милава не сводила глаз с березки, уверенная, что это деревце говорит с ней. «Да, да!» – березка быстро кивала кудрявой головой, каждый листочек ее дрожал, словно она рассказывала что-то сотней языков, но слабый человеческий слух различал только ровный мягкий шелест. Нежный смех за ветвями слышался громче – кто-то звал ее, а может, заманивал.

Какая-то сила потянула Милаву вперед, потянула, преодолевая неуверенность и испуг. Березняк словно раздвигался, давая ей дорогу. Березки махали зелеными рукавами, указывая путь, и Милава побежала, не в силах удержаться, словно ногами ее двигал кто-то другой. Подобрав подол рубахи, Милава летела все дальше от опушки, уже не оглядываясь, мокрая трава зябко хлестала ее по ногам. Ауканье сестер давно растаяло вдали, вокруг Милавы был только переменчивый шелест листвы. С пугающей остротой Милава ощущала, что она одна здесь, среди березового смеха, единственный теплый живой человек среди холода листвы в росе. И весь этот холод жадно тянулся к ней, стремился выпить ее тепло, так необходимое травам и деревьям в пору роста и цветения, – поэтому весной и приносят жертвы.

Венки на ветвях давно кончились, так далеко сюда никто не заходил. Где-то впереди, уже близко, должно быть Святоозеро. Милава никогда не видела его – только самые уважаемые женщины на Макошиной неделе²⁷ ходили к нему с жертвами. Для молодежи оно считалось почти запретным, и Милава даже боялась выйти к его берегам, но та же непонятная сила несла и несла ее все дальше. Вот так, наверное, кружат вокруг бузинного куста замороченные Лесным Дедом путники и не могут выйти из круга.

Святоозеро возникло перед ней внезапно – тусклое серебро сгустилось из тумана, и Милава едва не ступила в воду, прежде чем заметила ее. Отпрыгнув назад, она увидела вокруг себя темные стволы дубов, сменивших березы. Чувствуя себя виноватой, нарушившей запрет, Милава поклонилась озеру, но в шуме дубовой листвы не уловила осуждения. Перуновы²⁸ деревья знали, что она пришла сюда не по своей воле. Не они ли ее и позвали?

Милава огляделась и вдруг вскрикнула – в трех шагах от нее на берегу, в полшаге от воды, лежал человек. Он лежал лицом вниз, но Милава сразу узнала Брезя – как же она могла его не узнать? Его светлые волосы были влажными от росы и потемнели, а в руке его была зажата половинка разорванного

²⁷ **Макошина неделя** – между последней пятницей октября и первой пятницей ноября, время сватовства и свадеб.

²⁸ **Перун** – один из главных славянских богов, повелитель грозы, грома и дождя, бог войны, покровитель князей и их дружин.

венка.

Бросившись к брату, Милава подняла его голову, попыталась перевернуть, но не смогла. Тело Брезя показалось ей очень тяжелым, и она чуть не расплакалась от страха – а вдруг он мертв, ведь покойники, умершие дурной смертью, вот так же тяжелы. Но руки его были теплы, он дышал, только прерывисто и неровно. Всклипывая от волнения и испуга, Милава тормозила брата, звала его, пыталась поднять. Вся роща вокруг нее была полна невидимой жизнью, но никто не спешил к ней на помощь, березки пересмеивались, качая головами.

Милава принялась аукать и звать родичей, но ничьи голоса не долетали до нее, и ее, видно, никто не слышал. Осознав, как далеко они оказались – на самом Святоозере! – Милава совсем пала духом, словно они с Брезем остались вдвоем в незнакомом пугающем мире. Сидя на примятой траве среди земляничных листьев и белых цветочков, рядом с неподвижным и бесчувственным братом, Милава плакала в отчаянии, утиралась рукавами праздничной рубахи.

Брезь глухо простонал, словно хотел позвать кого-то, но не имел сил. Милава постаралась собраться с духом – надо же что-то делать! Она зачерпнула горстями воды из озера и вылила ее брату на голову. Вода показалась ей очень холодной, от нее разбегалась по телу тревожная дрожь. В этом озере людям нельзя купаться – в нем купаются берегини, они могут утянуть под воду того, кто мутит их священное озеро.

Возле самого берега в воде покачивалось несколько белых лебединых перьев. А кто-то тихо смеялся на вершинах берез, еле слышно аукал вдали.

Солнце вышло уже высоко, косые лучи озолотили верхушки берез, впервые повеяло теплом. Милава приободрилась немного. Нельзя же ей вечно сидеть на берегу Святоозера рядом с беспамятным Брезем! Надо идти за помощью. «Батюшка-Дуб, помоги, защити нас, пригляди за моим братом!» – мысленно попросила она Перуново дерево, под которым лежал Брезь. Больше здесь было некого просить о помощи. Сдернув с головы нарядный праздничный почелок, расшитый разноцветными узорами, Милава подпрыгнула и забросила его на нижнюю ветку дуба – сейчас ей было больше нечего подарить. Она прислушалась – Дуб не отказал ей в защите. Милава поклонилась дереву, еще раз оглянулась на лежащего Брезя и пошла прочь от берега. Каждый миг она ждала наткнуться на невидимую преграду, каждый миг боялась увидеть озеро снова впереди, а не позади – уж если нечисть взялась тобой забавляться, то не так просто выпустит. Но, видно, Дуб заступился за нее – Милава все шла и шла вперед, дубы давно сменились березами, на ветвях опять появились примятые венки, вот и полянка, где они вчера величали берегинь.

Вдруг совсем рядом, за близкими деревьями, раздался знакомый голос одного из парней Боровиков, Нечая.

– Ау, я здесь! – изо всех сил закричала Милава и кинулась

бегом на голос, пока он опять не пропал.

Вот Нечай стоит под березой, а с ним две девушки, его сестра и подружка-Моховушка. Увидев Милаву, они вдруг завизжали от ужаса и бросились бежать, словно наткнулись на Болотницу. Нечай тоже вздрогнул и невольно отшатнулся. Растрепанная, заплаканная, с поднятым мокрым подолом и докрасна обхлестанными ногами, Милава и правда была скорее похожа на лесную нечисть.

А Милава, увидев живых людей, вдруг так ужаснулась того лесного смеха, который преследовал ее во всем березняке, что вскрикнула и бросилась к Нечаю.

– Я нашла! Он там! Его заморили! – задыхаясь от бега и волнения, выкрикивала она, вцепившись в рубаху Нечая и теребя его, как безумная. – Скорее, пойдем! Помогите же! Я не могу! Он такой тяжелый! Без памяти! Мать Макошь!

– Где? Показывай! – сообразив, спросил Нечай. Оторвав от себя пальцы Милавы, он взял ее за плечи и встряхнул. – Не голоси, а веди скорей!

– Он там, на Святоозере!

– Где?

Нечай не сразу ей поверил и испугался – идти на Святоозеро ему не хотелось. К ним быстро собирались все остальные. Заренец взял двух братьев и пошел с ними за Милавой, велел остальным ждать на опушке. Все охотно подчинились, а Милава беспокойно торопила Заренца. Снова оказавшись среди родичей, она пуще прежнего волновалась за брата, ко-

торый остался на Святоозере один среди коварного лесного смеха.

Когда впереди затемнел широкий дубовый ствол, Милава увидела его первой и со всех ног бросилась туда. Заренец хотел окликнуть ее, но не стал, а значительно оглянулся на брата. Встрень кивнул, озабоченно опустил уголки губ. Блеск глаз, речи, все обхождение Милавы показались им странными – как бы ее не тронул русалочий дух, не испортил ей разум. Так бывало, если не присмотреть за юными девушками в первый их Ярилин день, а они как раз и не присмотрели. На родного брата понадеялись, а Брезь и сестру не уберег, и сам пропал.

Брезь лежал на берегу так же, как она его оставила, и Милава с радостным криком бросилась к нему. Подошедшие парни перевернули его и приподняли. Лицо его было бледно и исцарапано, одежда и волосы насквозь мокры от росы, он дышал тяжело и неровно, словно видел тяжкий сон, и часто сильно вздрагивал. Братья подняли его на руки и понесли к опушке. Милава шла рядом, мокрым рукавом пытаюсь стереть с лица остатки слез, росы и пота от беготни, ее била дрожь, дыхание сбивалось, горло горело, глаза болели, словно она долго смотрела на блеск воды под солнцем. Смеющийся березняк выпил из нее все силы, путь до дома казался таким длинным! А что они скажут дома? Недаром каждому внушают с детства – не ходи в русалий месяц кресень в лес один – пропадешь.

Глава 2

Год выдался засушливым, близилась осень, но грибы в лесу встречались редко-редко. Полдня проходив по березнякам и дубравам, девочки едва прикрыли донышки лукошек сухими, заморенными подберезовиками.

– А пойдемте в ельник! – предложила старшая, четырнадцатилетняя Зорька. – Там болото близко, там помокрее. Может, хоть чернушек наберем!

Идти в ельник было страшно, но возвращаться на займище с пустыми лукошками не хотелось, и девочки, робея и сжимая руки друг друга, следом за смелой Зорькой вступили в ельник. Здесь было сумрачно, в черной болотной земле то и дело попадались корыта кабаньих лежек, полные рыжей воды. Отпечатков кабаньих копыт здесь было множество, лесные стада протоптали здесь целые тропинки.

– Да это козы! – внушала старшая сестра младшей, стараясь успокоить. – Это не кабаны вовсе, здесь стадо гоняют!

Только пятилетняя девочка могла спутать козы и кабаньи следы, и сестры с испугом оглядывались на каждый шорох. Но скоро они забыли страх – здесь и там на рыжей хвое виднелись рыжеватые шляпки свинушек или черно-бурые, чуть зеленоватые чернушки.

Вдруг неподалеку раздался громкий треск. Одна из девочек, мертвой хваткой зажав в ладони гриб, обернулась – пря-

мо к ним через папоротник ломилась огромная черноватая туша. Мигом все слова испарились из ее памяти, из горла рвался отчаянный визг. Но кабан не испугался людей, а даже быстрее пошел на голос. Другие девочки заметили его тоже, ельник наполнился разноголосыми истошными визгами; побросав лукошки, натыкаясь на деревья и спотыкаясь о корни, девочки бросились бежать.

Только одна из них отстала. От рождения она хромала и не могла быстро бегать; теперь же она оцепенела от страха и застыла под огромной старой елью. Когда прямо перед ней вырос огромный кабан – старый секач с желтыми загнутыми клыками, сам ростом с теленка, – она запоздало охнула, повернулась и хотела бежать, но сразу оступилась, упала и осталась лежать неподвижно. Может быть, кабан примет ее за мертвую и не тронет.

Перестав дышать от ужаса, девочка слышала хруст и шорох под копытами лесного зверя, его тяжелое дыхание, запах зверя. Обмирая, она ждала удара, который прервет сознание, и так застывшее от смертельного страха. Кабан приблизился, наклонил страшную морду с загнутыми клыками. Девочка чувствовала его дыхание у себя на волосах.

И кабан шепнул ей на ухо Слово, которого она никогда никому не передавала. Это был не простой кабан, а Князь Кабанов, хозяин ельника.

Услышав Слово, девочка поднялась на ноги. Страх ее прошел, и она по-новому смотрела на Зверя – теперь он был ей

не чужой. Она осторожно прикоснулась к жесткой щетине на его морде, провела пальцами по страшному загнутому клыку, способному одним ударом распороть брюхо лошади. И от этого прикосновения слабых детских пальцев клык вдруг отломился, как пустотелая ножка гриба-чернушки, и остался у нее в ладони. Это был подарок Князя Кабанов, скрепляющий их новое единство. А на его месте прямо на глазах у девочки вырос новый клык.

Увидев ее живой, родичи не поверили своим глазам. И она вернулась к ним другой. Лес взял ее к себе, миру людей она больше не принадлежала. Ей многое открылось, она стала понимать шум деревьев, различать целебные травы, предсказывать погоду, приманивать зверей и рыбу. Ее прежнее имя забылось, все стали звать ее Еловой. Когда ей сравнялось пятнадцать лет, она пожелала уйти с займища, и старейшина велел мужикам выстроить для нее избу там, где она скажет. И она указала поляну в ельнике, ту самую, где встретила Князя Кабанов. И двадцать лет она прожила там, слушая голоса Леса и служа посредницей между Лесом и людьми. За эти годы лесного в ней стало больше, чем человеческого. Все боялись ее, как боятся Леса, и уважали, как уважают Лес; он кормит, согревает, защищает, но горе тому, кто войдет в него, не зная его законов.

Завидев в воротах высокую сухощавую женскую фигуру, заметно хромающую на ходу, дети и девушки попрятались

кто куда. Елова как будто приносила с собой свой сумрачный ельник, болотной сыростью и еловой хвоей веяло от ее коричневой рубахи и ожерелья из кабаньих клыков, хвоинки застряли в седой косе, спускавшейся до самых колен. Ни на кого не глядя и не отвечая на приветствия, Елова прошла в избу, где на лавке лежал Брезь. Родичи вытерли его, переодели в сухую одежду, умыли, но в себя он так и не пришел.

Елова положила сухую тонкую руку ему на лоб, склонилась над ним – у Милавы замерло сердце, словно огромная злая птица хотела заклевать брата. Почувяв, Елова оглянулась на нее, и Милава чуть не вскрикнула под ее взглядом. В нем не было ни злобы, ни вражды – просто в нем не было ничего человеческого.

– Уходи! – коротко и сурово велела ей ведунья. – Он теперь не ваш! Его дух берегини взяли.

Сжавшись, как мышь, Милава бросилась из избы. Ей было страшно оставлять брата одного с этой женщиной, но она не смела послушаться. Да и как, если даже дед Берестень слушается ведуньи.

Услышав слова Еловы, весь род всполошился, Вмала снова заплакала. Это ведь хуже любой болезни – от лихорадки излечиваются, а от русальей порчи – нет.

– Что же делать с парнем? – тревожно заговорили женщины. – Неужто пропадать теперь? Ведь должно быть средство какое? Или так каженником²⁹ останется? Жалко ведь!

²⁹ **Каженник** – человек, подвергшийся колдовской порче.

– Что берегини взяли, то назад не воротят! – сухо бросила ведунья. – Всякую весну они ищут, чьим духом согреться, и вот ныне нашли! В память я его ворочу, а дух его берегиня выпила! Подите все прочь!

Родичи послушно стали расходиться. Только Милава с братом Вострецом остались слушать в сених. Замирая от страха, что ведунья почует их и прогонит, Милава слышала, как Елова ходит по избе, стучит деревянным ковшом, плещет водой, бормочет что-то. Из щелей пополз горький дым от сжигаемой полыни – злой травы, которой так боятся берегини.

Вострец уткнулся носом в рукав рубахи, а Милава отстранилась, взгляд ее упал на две березки возле тына. Отец посадил их после рождения дочерей, и Милава любила свою белую сестру, разговаривала с ней даже тогда, пока не знала еще человеческого языка. Но теперь, с памятью о березовом смехе росистого утра, даже березка-ровесница стала казаться Милаве опасной. И в нее могла вселиться лукавая берегиня. Или ей мерещится, или березка впрямь, как ее сестры в роще, неспроста качает ветвями, со значением кивает зеленой кудрявой головой?

Запах горькой полыни пробудил Брезя от забытья, но какая-то часть его души так и не вернулась в тело. Как его ни расспрашивали, он так и не рассказал, что с ним случилось. До самого вечера он то лежал на лавке, то сидел, глядя куда-то перед собой, не отвечал, когда к нему обращались.

Мать предлагала ему еды, но он ел вяло и неохотно.

Елова велела выселить Брезя из дома в пустую клеть,³⁰ ждавшую нового урожая, запретила ему выходить оттуда и сидеть со всеми за столом. Испорченному нежитью не место с чистыми людьми. Притащив огромную охапку горькой полыни, ведунья рассыпала ее по всей клети, чтобы не подпустить берегиню к Брезю. Саму Елову наполняло редкое в ней деятельное оживление. Она одна постигала тайную важность происходящего, скрытую от простых глаз.

– Смотри, не пускай сына из дому! – велела она Лобану. – А не то берегиня его в лес заманит и заплещет теперь уж до смерти. А убережешь до Купалы – берегини с земли снова в небо уйдут, и будет он жив.

– Что же ему, теперь навек таким бессловесным оставаться? – с плачем спрашивала мать.

Но Елова ничего не ответила. Сама она осталась ночевать у Лобана, и домочадцам долго не спалось – в горьком запахе полыни, с ведуньей под одной крышей всякого забирала жуть.

А Брезь, казалось, ничего не замечал – ни переселения в клеть, ни плача и причитаний родичей, ни бормотания и ворожбы Еловы, которая то плескала на него водой, освященной заговором и горящим можжевелевым углем, то ходила вокруг него с тлеющей полынной веткой, окуривая его горьким дымом. Он словно бы забыл, кто он и где находится,

³⁰ **Клеть** – помещение нижнего этажа, жилое или служащее кладовкой.

на родичей смотрел с безразличием, как на пустое место, и Вмала плакала от страха – ей казалось, что сын не узнает ее.

Только на Милаву он смотрел более осмысленно, чем на других. Но и Милава не осмеливалась расспрашивать его о том, что с ним случилось за эту короткую ночь. Может быть, потому, что лучше других догадывалась, что он испытал. Березовый смех, услышанный в роще, преследовал ее и здесь, тихо всплескивался в ушах. Кто-то все время хотел напомнить о себе – та, что не знает людских горестей и веселится все время, что ей дано провести на земле.

Ночью Милава долго не могла заснуть. Мысли о Брезе и тревога за него не давали ей покоя. Березовый дух подменил его, отнял у него силу, веселость, ясность рассудка, он снова стал почти таким, как в первые дни после смерти Горлинки. Только тогда в его душе чередовались яростные приступы отчаяния и тусклое безразличие к собственной опустевшей жизни. А теперь в нем оставалось только безразличие, и это было страшнее отчаяния.

Но тогда он был в семье, и родичи могли если не облегчить его горе, то хотя бы держать его на глазах. А не видя брата, Милава беспокоилась о нем гораздо сильнее. Хоть на миг ей хотелось оказаться с ним, убедиться, что с ним не случилось ничего дурного.

Изба была полна запахом полыни и сонным дыханием родичей, из угла, где лежала Елова, не доносилось ни звука. Осторожно Милава соскользнула с лавки и выбралась нару-

жу. Порчи она не боялась – не могла поверить, что родной брат может ей чем-то навредить. Елове легко говорить, она совсем не знает, что это такое – любить. Может быть, потому она так и сильна.

На крыльце в лицо Милаве пахнула свежесть ночи, было тепло, двор был залит лунным светом, чистым и ярким, – солнцем умерших. И сразу она увидела Брезя – он сидел на пороге своей клетки, опираясь локтями о колени, лицо его было спокойным и ясным, как прежде, только грустным. Таким Милава видела его в конце зимы и весной, когда первые приступы горя от смерти Горлинки поутихли. Подумав о том времени, Милава вдруг сообразила – ведь весной, во время оживания всей природы, оживают и души умерших, бродят по земле. И Горлинка тоже могла вернуться ненадолго, взглянуть на те места, где жила, на тех людей, которых любила. Тогда ничего страшного не случилось – от добрых духов не бывает вреда. Странно, но сейчас Милава уже совсем не боялась, лучи лунного света показались ей теплыми, ласковыми. Она хотела сразу подойти к Брезю, но при мысли о Горлинке не решилась – слишком ясно ей вспомнились дни поминальных пирогов, когда сердце ее переворачивалось от жалости, когда она так хотела утешить брата, но знала, что не сможет.

Две березки, стоявшие в углу двора, были облиты лунным светом, на них можно было разглядеть каждый листочек. Они тихо покачивали ветвями, хотя ветра не было, све-

жая листва мягко шуршала, и вдруг из этого шороха возник тихий лукавый смех. Одна из березок – ее, Милавы, белая сестра – вдруг высоко подняла ветви, как птица крылья, опустила их и сошла с места. От ствола отделилась легкая светлая тень – девушка, ростом не выше самой Милавы, в длинной белой рубаше, со светлыми косами, в которые вплетены тонкие березовые веточки с листвой. А лицо ее, ясно освещенное лучами луны, было таинственно и прекрасно, большие зеленоватые глаза ее искрились радостью, на губах играла призывно-ласковая улыбка.

Всхлипнув, Милава застыла на крыльце, вцепилась в столб, а Брезь охнул и подался вперед. Он снова увидел ее – Горлинку, добрую и нежную, прекрасную, как бывают прекрасны только в воспоминаниях недостижимо далекие возлюбленные. Неслышно ступая по двору, девушка-березка пошла к избе. «Милый мой, ненаглядный! – шептал нежный голос, и сияющие зеленоватые глаза с любовью и лаской смотрели на Брезя. – Куда ты ушел от меня? Я так люблю тебя, мой желанный, приходи же ко мне снова! Разве я не хороша? Иди же ко мне!»

Снова полный сил, Брезь вскочил со ступеньки и бросился к девушке.

– Нет, нет! – отчаянно закричала Милава, протягивая к нему руки. – Нет, не ходи, не ходи!

Чарующе прекрасная дева в облике Горлинки внушала ей ужас. Настоящая Горлинка умерла и погребена в пламени,

она больше никогда не вернется в зримом образе. А эта дева, вышедшая из березы, – берегиня! Не счастье и утешение, а гибель принесет Брезю ее любовь.

Но он не слышал крика сестры, не услышал бы, даже если бы само небо раскололось над займищем. Весь мир для него сомкнулся радужным кольцом вокруг стройной фигурки в белой рубаше, с двумя длинными светлыми косами, с ненаглядными чертами его милой невесты.

Шагнув с крыльца, он уже почти коснулся протянутых к нему рук девушки, но дверь сеней вдруг резко скрипнула и на пороге встала Елова. Высокая, худощавая, с растрепанной седой косой и угрожающе вскинутыми руками, она была похожа на Лихорадку. В ее руке был зажат пучок полыни.

– Поди прочь! – яростно крикнула она, кидаясь к берегине, норовя хлестнуть ее полынью.

С испуганным криком девушка отскочила назад, бросилась к березке и мигом пропала возле ствола, слилась с ним, спряталась.

Брезь шагнул к березке, но пошатнулся и упал бы, если бы Милава его не подхватила.

– Брате! Милый! Что с тобой? – в испуге кричала Милава, не помня себя. – Куда ты?

– Горлинка! Она пришла! Она вернулась! – бессвязно выкрикивал Брезь и рвался с крыльца, но был так слаб, что даже младшая сестра могла с ним справиться. – Я ее в роще видел! Она и теперь ко мне пришла. Звала меня! Где она?

Зачем вы ее прогнали?

– Это берегиня была! – злобно выкрикнула Елова и угрозила березке пучком полыни. – Это берегиня, она тебя заморочила, дурную голову твою, в рощу заманила, испортила! Говорили тебе еще той зимой – женись, женись, благо Моховики другую девку взамен умершей давали. А ты – нет, тебе прежнюю подавай, вот и дождался! Не будет тебе теперь покоя от берегини, не выпустит, пока насмерть не замучает!

Сойдя с крыльца, Елова подошла к березкам и стала сыпать вокруг них свою полынь. Светлые деревца испуганно дрожали, подбирали ветки, словно рвались отойти прочь от злой травы, но не могли.

Брезь затих и устало склонил голову. Милава держала его за плечи и чувствовала, что он весь дрожит. Но и сама она дрожала – ведь она наяву видела Ту, Что Смеется В Березах. Пусть всего один раз – это никому не проходит даром.

– Не знаю, берегиня или кто, – зашептал Брезь. – А только краше ее на всем свете нет. Она как Горlinkа совсем, только еще милее. Знать бы, где ее найти, на край света бы пошел! Только ее увидел – так разом и вся хворь прошла. А без нее света мне белого нет. Не жить... Нечем жить без нее.

Рассудок его сейчас был ясен, но силы иссякли. Он понимал, что с ним происходит, но ничего не мог изменить. Его помешательство было сродни самой любви – можно запретить себе и смотреть на любимую, но нельзя запретить думать о ней, а если она несет гибель, то и разлука с ней несет

гибель тоже.

Брезь снова поднял голову, оглядел двор, впился глазами в тонкий березовый ствол, как в дверь, захлопнувшуюся за его любимой, и взгляд его в лунном свете ужаснул Милаву – в нем была безумная, смертная тоска. Это ли ее брат, всегда такой веселый, рассудительный, бодрый!

– Брате, милый! – в отчаянии убеждала она Брезя, словно звала того брата, который у нее был и которому, видно, больше не бывать. – Опомнись, это же берегиня! Она тебя заморить хочет, до смерти загонять! Никакая она не Горлинка, морок один! Забудь ее, не думай, совсем пропадешь! Как же мы без тебя будем!

Она говорила, почти плача, но сама понимала, что говорить бесполезно. Он пропадет, ее любимый, ее единственный родной брат, от любви к берегине не излечиваются!

Брезь не слушал ее, а все смотрел и смотрел в березку тоскующим взглядом, и мысли его были не здесь. Род, семья, даже она, Милава, для него не существовали. В любви, как перед лицом Надвечного Мира, человек всегда один.

– А ты ступай прочь! – с неожиданной злобой накинулась на девушку Елова, как будто Милава была во всем виновата. – Не смей к нему подходить!

Она взмахнула веткой полыни над головой Милавы, словно хотела ударить; Милава невольно пригнулась, охнула и бросилась в избу. Сердце ее громко билось, казалось – вот-вот оторвется, а на глазах вскипали слезы от волнения и оби-

ды. Почему Елова так злится на нее? Она же не виновата в несчастье брата, она его любит и хочет ему помочь!

Всхлипывая, Милава улеглась на свое место и сжалась в комочек. Ее била дрожь, она думала, что до утра не уснет. Но, едва сомкнув мокрые от слез ресницы, она будто провалилась в прорубь – в черный сон без сновидений.

Елова оттащила обессиленного Брезя назад в пустую клеть, уложила и сама села рядом на пол. Этой ночью берегиня больше не придет, не посмеет.

На другое утро Спорина проснулась раньше всех, и сразу на нее накинута вчерашняя тревога: что с братом? Мысли о любовеле не давали ей покоя и мучили чувством вины. Говорят же: не играй с чарами, не шути с ворожбой! Злая трава отомстила: вместо простой девушки приворожила Брезя к берегине! Спорина еще вчера сожгла ненавистное растение, но тонкий запах продолжал преследовать ее, как уколы совести. Так и казалось, что вот-вот кто-то узнает, догадается, что это она во всем виновата. Может быть, сам Брезь скажет: блаженные часто видят то, что здравому рассудку недоступно, а испорченные в бреду называют имя того, кто навел на них порчу.

Спорина поднялась, натянула верхнюю рубаху, безжалостно раздергала косу костяным гребнем. Еловы в избе не было, и Спорина хотела скорее пойти поискать ее, посмотреть, как там Брезь.

Милава спала на своей лавке, как камушек на речном дне, даже не сопела. Луч света через отволоченное окошко падал прямо на ее голову, и Спорина вдруг заметила, проходя, на волосах сестры два прицепившихся березовых листочка. Спорина остановилась, настороженно оглядела сестру. Куда она выходила утром? Листочки были едва раскрывшиеся, клейкие, тоненькие и нежные, как крыло бабочки. Со вчерашнего дня они уже засохли бы, значит, сорваны уже сегодня, вот только что...

Спорина протянула руку, подцепила пальцами листочки и хотела снять, но они не поддались. Она дернула сильнее, а Милава вдруг охнула и резко села на лавке, глядя на сестру туманными со сна, испуганными глазами.

– Ты чего? – хрипло воскликнула она и схватилась за волосы там, где были листочки.

– Ты куда с утра ходила? – требовательно спросила Спорина.

– Никуда, – недоуменно ответила Милава и медленно разжала руку.

– А это что? – Спорина ткнула в листочки.

– Что?

Милава склонила растрепанную голову, посмотрела на косу на плече, дернула листочки и вдруг тихо вскрикнула. В крике ее были боль и удивление. Спорина склонилась к ее плечу, в свете из окошка рассматривая листочки, и вдруг охнула, отшатнулась назад, вцепилась в мешочек с оберегом

на груди.

Березовые листочки не зацепились за волосы Милавы, они там росли.

Спори́на хотела закричать, но сама зажала себе рот. Обрывки мыслей бешеным табуном проносились в голове. Милаву отметил Лес, она тронутая, как Брезь; но если так, то ее, Спорины, свадьба отложится на совсем непонятные времена. Надо молчать, молчать, может быть, она успеет уйти из рода раньше, чем все выяснится. Спорине хотелось закрыть глаза на все эти беды и убежать от них в род Боровиков, где все так спокойно и благополучно, казенников не бывало от века, где люди живут в согласии друг с другом, с Лесом, с Небом, с чурами.

– Спрячь! – всполошенно прошипела она Милаве, нервно оглядываясь на дверь. – Убери как-нибудь!

Она схватила из ларца ножницы, но тут же бросила их назад: и бородавку неумеючи срежешь – помрешь, а тут...

– Скорее! Причешись!

Спори́на схватила свой гребень, торопливо распустила косу Милавы, стала расчесывать, неосторожно дергая волосы, заплела сестре косу и постаралась получше запрятать листочки под волосами, чтобы их совсем не было видно. Милава, испуганная и растерянная, позволила сестре делать все, что та хочет. Она ничего не понимала, но была полна впечатлениями прошедшей ночи. Они помнились ей ясно и отчетливо, Милава знала, что это не сон, и листочки в волосах

были тому подтверждением. Насмешливая берегиня оставила ей память о себе. А может быть, намекнула: не пытайся отнять у меня то, что я взяла. Иначе я возьму и тебя.

Едва Спорина покончила с ее косой, как в избу вошла Елова и повела Милаву во двор. Милава не противилась, хотя после ночи Елова стала внушать ей еще больший страх, чем прежде. Перед глазами ее стояла темная фигура с седой косой, похожая то ли на Лихорадку, то ли на черную птицу, готовую заклевать их всех.

– Ты берегиню видела – тебе очиститься надо! – сурово пояснила ведунья Милаве, хотя вообще-то очень редко поясняла свои решения и поступки. – А то она и тебя заберет!

Спорина побледнела: она-то знала, что Лес уже протянул лапы к Милаве. Но угроза нависла над благополучием и ее собственной судьбы, и Спорина промолчала. Видят боги, она не виновата, что прошлой осенью Горлинка умерла, что Брезь не хочет жениться на другой, – она имеет право устроить свою судьбу, у которой не запрашивает ничего лишнего!

Елова развела перед Лобановой избой костер, бросила в огонь огромную охапку полыни и заставила Милаву прыгать через густой столб горького дыма. Милава подчинилась, боясь только, что для Брезя ведунья придумает что-нибудь страшнее. Сильнее вчерашнего ее тянуло к брату, и она то и дело оглядывалась на плотно затворенную дверь клетки.

Но к Брезю Елова никого из родичей непустила. Отказавшись даже от еды, ведунья собрала несколько мужиков и ве-

лела им перенести Брезя в ее избушку в ельнике. Милава и Вмала плакали, провожая его, но Елова и слушать не хотела, чтобы оставить его дома.

– Ближко ходит та берегиня! – пригрозила она домочадцам Лобана. – И сына вашего с бела света сживет, и вас не оставит. Хотите все каженниками стать?

С этим Лобан и Вмала не могли спорить. Сам Брезь был совсем слаб и как будто не замечал, что с ним делают, молча позволил вывести себя из клетки и положить на волокушу,³¹ а сам стал смотреть в облака. От оживления, которое Милава видела на его лице ночью, не осталось и следа, а равнодушие стало еще глубже. Еще часть его жизнеогня была у него отнята. Глаза его были безжизненны, как у слепого, он даже не глянул на мать и сестру, громко звавших его, не услышал их прощальных слов и причитаний. Он смотрел в Надвечный Мир, а на земле оставалась только какая-то малая часть его духа. И с каждым появлением берегини она будет становиться меньше. Хватит ли у Еловы сил, чтобы до Купалы сберечь хоть что-нибудь?

Спорина с узелком – рубахой брата, кое-какой снедью – шла следом за волокушей. Она сама вызвалась проводить Брезя – ей хотелось поговорить с ведуньей без чужих ушей.

Когда волокуша въехала в березняк, Брезь забеспокоился. То и дело он скидывал голову, жадно шарил взглядом

³¹ **Волокуша** – бесколесное приспособление для перевозки грузов в виде оглобель с прикрепленным к ним кузовом.

по опушке, глаза его заблестели, и рука Спорины сама тянулась к оберегу – вид обезумевшего брата наполнял ее ужасом. Он видел что-то недоступное взорам других – прекрасная легкая тень скользила от березы к березе, смеялась, ласково манила и звала. А Елова, как темная птица, кидалась между Брезем и опушкой, грозила полынью, выкрикивала заклятия, прогоняла березовую тень.

– Да, невеселый год у нас будет! – толковали мужики, провозжавшие волокушу. – И парня здорового потеряли – ни к сену, ни к жатве ведь не встанет.

– И свадеб нам не дожидаться! – угрюмо подхватил Зарец, у которого тоже была сговоренная невеста. – Кто с нами теперь родниться захочет? Верно, уж по всем родам болтают, что все Вешничи теперь скаженные, безумные!

Спорина досадливо закусила губу – в самую первую голову это про нее. Что теперь сказать Закрому? Ведь ему обещали свадьбу на Купалу, а какая теперь свадьба в их семье? Какая Брезю теперь женитьба, смешно бы было, да плакать хочется! А ее, родную сестру казенника, кто за себя возьмет? Спорина верила, что Здоровец любит ее и, пожалуй, не откажется, а что скажет его отец? Захотят ли Боровики брать ее в свой род?

– В Купалу принесем обильные жертвы! – говорила тем временем Елова. – Берестеню передайте – мы Брезя у Воды и Леса откупим. Готовьте дары берегиням. Они ничего даром не дают!

За время дороги, вдохнув березового ветра, Брезь ослабел еще больше, и от волокуши до избушки его пришлось нести на руках. Уложив его на лавке, достававшей от одной стены до другой, мужики поклонились ведунье и поспешно пошли восвояси.

Осталась одна Спорина. Теребя конец пояска, она переминалась с ноги на ногу, не решаясь начать разговор, пока сама Елова не глянула на нее с досадой – что, дескать, привязалась? – и тогда Спорина решилась.

– Что же теперь с ним будет? – в волнении спросила она. – Он опомнится когда-нибудь? Или это насовсем?

– Разум его теперь не здесь, – ответила Елова. – Дух и разум его теперь с берегиней – как она сюда, к нему, войдет, так и он в себя войдет. Да только я ее не пущу, потому как она его опять плясать потянет и запляшет до смерти.

– Стало быть, он казенником останется?

– Всякому своя судьба. Вы за него его судьбу решили, повернули, а удержать – не удержали. Вот ею и завладели те, что посильнее вас. Лес ныне голоден, потому и шлет на нас беду за бедой. Ему нужна жертва, и он свое возьмет. Или Брезя... – Ведунья прищурилась, глянула в лицо Спорине, и в темных глазах ее блеснуло вдруг что-то такое страшное, что девушка отшатнулась. – Или тебя...

Схватившись за оберег на груди, Спорина кинулась вон из избушки, даже не глянув в последний раз на брата.

– Или меня... – почти беззвучно прошептала ведунья ей

вслед.

Но Спорина уже не слышала. Держась за оберег, она бежала по едва заметной тропке назад, к займищу. Слова Еловы о жертве напугали ее, но и прояснили все происходящее. Она не замечала ни прохладной сырости близкого болота, ни колючих еловых лап, преграждающих ей дорогу, не смотрела даже под ноги и чуть не наступила на хвост коричневой гадюке с черным зигзагом на спине, но ничего не заметила. Все ее мысли и чувства были сосредоточены на одном – на ее собственной судьбе.

Из-за елей показалась фигура человека в серой длинной рубаше, встала поперек тропинки.

– Ты? – ахнула Спорина и остановилась, пораженная.

Перед ней стоял тот, о ком она думала, – ее жених, Здоровец. По обычаю, жених и невеста от сговора до свадьбы не должны видеться. Спорина и Здоровец думали пробыть в этой разлуке всего четыре дня, но она тянулась уже восьмой месяц. Оба они почитали обычаи предков, но сейчас Здоровец нарушил запрет. Их непростое положение того стоило. Чего теперь бояться порчи – хуже, видно, некуда.

– А ты еще кого ждешь? – хмуро ответил он. – Пойдем поговорим.

Он взял Спорину за руку и повел к реке. Они сели на берегу за толстой развесистой ивой и недолго помолчали, глядя друг на друга. Они и правда не виделись с того вечера на Макошиной неделе, когда Берестень перед печью обвел Спо-

рину вокруг Здоровца и передал ему ее руку. И оба они замечали друг в друге перемены. Хмурые, разом повзрослевшие парень и девушка мало напоминали тех счастливых жениха и невесту, которые стояли перед печью, держась за руки, семь месяцев назад. Скорее они были похожи на молодых, но уже немало переживших супругов, перед которыми встала очередная беда.

– Слыхал, что у нас деется? – наконец спросила Спорина.

Голос ее против воли дрожал – она боялась того, что Здоровец мог ей сказать. Пора и честь знать... Не было такого уговора... Не отдают – девок много... Никто не осудил бы его, если бы он сейчас отказался от невесты. Но как же горько Спорине было думать, что она потеряет желанного, любимого жениха из-за чужой вины! А другого, скорее всего, не будет – никто не захочет взять в род сестру испорченного парня, и ей останется одна дорога – переселиться со временем в избушку к Елове и стать, как она...

– Только глухой и не слыхал, – ответил Здоровец и угрюмо сплюнул в прибрежную траву. – И наши болтают, и Черничники мимо нас к себе шли – тоже говорили. Как он?

– А никак! – с досадой ответила Спорина и сердито отбросила за спину разлохмаченную косу, словно хотела совсем от нее избавиться. – Лежит, в небо глядит, слова толком не скажет! Куда ему теперь жениться! Разве что на кикиморе!³²

– А старший что говорит? – спросил Здоровец.

³² **Кикимора** – мелкая домашняя нечисть.

Он тоже не слишком был озабочен участью Брезя, а вот угроза собственной свадьбе занимала его всерьез. Они со Спориной хорошо подходили друг другу – оба они были неглупы, трудолюбивы, хозяйственны и не забивали головы вещами выше своего разума. На чужое они не зарились, но и своего не собирались упускать. Из них вышла бы отличная пара – дружная в работе и веселая в празднике, они нарожали бы со временем восемь или десять детей, всех бы вырастили, переженили, вынянчили бы сорок внуков и предстали со временем перед предками в гордом сознании честно выполненного долга и удавшейся жизни. Но над всем этим нависла почти неотвратимая угроза, и оба они не знали, что с ней поделать. Если бы на пути стоял злой медведь или лихой человек, то Здоровец знал бы, как помочь горю. Но их близкому и ясному счастью мешал всего лишь березовый смех, тень листвы на траве, и против этого они были бессильны!

– Молчит! Да что ему сказать? – Спорина в досаде выдернула ни в чем не повинный кустик травы и швырнула в реку. – Сам посуди – какая Брезю теперь женитьба? Невестки отцу не будет! А покуда невестки не будет – и меня не отпустят. На косьбу, на жатву, на прялку – руки нужны! Будто я виновата, что Брезь берегине приглянулся!

Спорина запнулась, закусил губу. Даже жениху она не смела признаться, что отчасти была виновата в помрачении брата. Если бы она не придумала любовелем разгорячить ему кровь, может, берегиня и не учуяла бы жара, не захотела

бы завладеть им. Разве она знала, что так выйдет? Она только хотела приблизить срок своей свадьбы, чего Здоровец хотел не меньше нее.

Здоровец помолчал, глядя, как мимо них несет свои воды Светлая Белезень – ровная, благодушная, безразличная к человеческим радостям и горестям.

– А коли помрет? – не отрывая глаз от воды, обронил Здоровец.

– А коли помрет... Стало быть, с Мореной³³ обручится. Кто же меня тогда держать станет? Только он не помрет. К нему Елова берегиню не пустит, а без нее он жив будет.

– А ты... ты-то не передумала за меня идти? – спросил Здоровец, не глядя на нее.

– Как же я передумаю? – прошептала Спорина. Не род, не старейшина, а она сама сейчас должна была решить свою судьбу. – Нас перед чурами соединили – я твоей женой буду или ничьей.

– Ну, коли так...

Здоровец повернул голову и посмотрел на Спорину. Она теребила на груди мешочек со своим оберегом – двойным колосом-спорышом, который Лобан нашел в поле в утро рождения старшей дочери и по которому дал ей имя. Они посмотрели друг другу в глаза и промолчали, и без слов поняв друг друга. В самом деле, Мать Макошь назначила их составить пару, и никто не вправе мешать им в этом. И те-

³³ **Морена** – одно из олицетворений смерти.

перь у них остался только один путь.

Моховики тоже на все лады обсуждали помрачение Брезя. Близких соседей и родичей жалели, но кое-кто тайком радовался, что не все беды обрушились на них одних – другим тоже досталось. Как ни удивительно, но некоторым это служило утешением. Занятые делами соседей, Моховики не сразу заметили исчезновение Малинки. Утром она вместе с другими девушками ходила в рощу величать берегинь – мать и сестры радовались, думая, что она оправилась от горя и готова выбрать нового жениха, благодарили добрую богиню Ладу за эту перемену. Вечером Малинка вместе со всеми ушла на игрища к Белезени, и там сестры потеряли ее из виду. Утром молодежь вернулась без нее. Кто-то подумал, что она опять ушла в леса искать своего волка, кто-то надеялся, что ее увез новый жених и скоро явится с выкупом. Но один день проходил за другим, а Малинка не возвращалась и никаких вестей о девушке не доходило.

– В лесу, видно, пропала! – на четвертый день уже причитала ее мать. – И ее берегини заморочили!

– Уж такая судьба! – со вздохами приговаривал Взимок, опасаясь, что это их наказание за злорадство. – Да, по правде, она с самой свадьбы своей скаженная была, шальная. Еще бы – в волчьей шкуре походить! Кто бы ее теперь замуж взял? А все же жалко девку...

Но берегини не были виноваты в исчезновении Малинки.

Радостное оживление, блеск глаз и румянец, который родичи замечали на ее лице в последние дни, были вызваны не забвением Быстрца, а надеждой на скорую встречу с ним. Стрательнее прежних лет Малинка исполнила в Ярилин день все обряды, умоляя богиню Ладу помочь ей в самом важном деле ее жизни. А вечером, когда вся молодежь пошла к Белезени, Малинка незаметно ускользнула в лес и со всех ног побежала к болоту. Она была одета в нарядную вышитую рубаху, красивые бронзовые браслеты звенели на ее руках, янтарное ожерелье, купленное у вежелинских купцов, золотилось на груди. Только покрывала не хватало ей для полного убора невесты. Но Малинка снова ощущала себя невестой, как в тот далекий день ее свадьбы. Несла она и приданое – в руке покачивался неизменный узелок с рубахой Быстрца и куском хлеба. До темноты оставалось еще много времени, но Малинка бежала бегом, чтобы дать выход своему волнению. В сердце ее мешались тревога, надежда, нетерпение. Ее зимняя тоска, ее долгие поиски близились к концу. Или она найдет и вернет жениха, или пропадет сама. Но Малинка не боялась смерти – без Быстрца ей не нужна была жизнь.

– Как зимою земля ждет весны, так я жду тебя! – словно безумная, кричала она в небо, и шелест берез под ветром подхватывал ее заклинание. – Как все реки стремятся к Священному Истиру, так душа моя стремится к тебе!

Огнеяр уже ждал ее. Завидев на памятном месте у края болота темный силуэт волка с красной искрой в глазах, Ма-

линка обрадовалась ему, как брату, чуть не бросилась обнимать косматого зверя. Княжич Заревик, которого Солнечный Хорт³⁴ обещал отвезти в Сварожий сад,³⁵ и то не мог так обрадоваться своему чудесному провожатому. Но волк уклонился от ее приветственных ласк – не собака. И мотнул головой в сторону: идем.

До самой темноты они шли по лесу, краем обходя большое болото. Малинке казалось, что с волком-оборотнем она вступает в неведомые края, куда нет дороги простому человеку. Может быть, в сам Надвечный Мир. Все вокруг казалось другим, как будто она незаметно для себя пересекла невидимую грань. Дороги назад не было, но Малинка и не думала о возвращении. Если они добьются своего, то Огнеяр выведет их обратно – ее и Быстрца. А если нет – то ей не придется возвращаться. Малинке казалось, что она идет по хрупкому льду, который в тот же миг ломается позади нее, но взор ее и помыслы были устремлены только вперед. Там, в конце темного Леса, ее ждал Быстрец.

Когда темнота в лесу стала почти непроглядной и Малинка начала на ходу натыкаться на деревья, волк остановился на полянке под дубом. Малинка не заметила во тьме, как это получилось, но тут же рядом с ней шевельнулось что-то большое – больше, чем волк, – послышался хрипловатый ка-

³⁴ **Хорт** – небесный волк.

³⁵ **Сварожий сад** – разновидность небесного посмертного царства, нечто вроде языческого рая.

шель, как будто кто-то прочищает горло.

– Дальше сегодня не пойдем, – сказал рядом с ней человеческий голос, который она однажды слышала – тогда, на краю болота. – Здесь ночевать будем.

– Ты... Ты теперь... – Малинка растерянно взгляделась в темноту и различила фигуру человека. – Уже опять превратился?

– Да, – отозвался Огнеяр, потягиваясь. В последние дни волчий облик стал утомлять его и он с удовольствием вставал на две ноги. – Сиди здесь. Я сейчас веток наломаю. Огня не будем жечь – тут лишних глаз много.

Малинка послушно села под дубом, положила рядом свой узелок. Только тут она ощутила, как устала. Ее утомило не столько путешествие через лес, сколько собственное волнение. Темнота была такой густой, что Малинка не видела даже ближайших деревьев. Ее вдруг охватило странное чувство бесконечности пространства, в самой середине которого сидит она, одинокая, усталая, не знающая своей судьбы. Только шорох веток неподалеку успокаивал – все же она была здесь не одна.

Огнеяр скоро вернулся и бросил рядом с ней охапку веток.

– Устраивайся, – велел он. – Спать недолго будем, на белой заре дальше пойдем. Нас сюда в гости не звали, чем быстрее пройдем, тем целее будем.

– А что здесь за земли? – спросила Малинка. – Чьи они?

Она совсем не видела Огнеяра, только слышала его дыхание и шорох веток, на которые он сел. Ей казалось, что она разговаривает с каким-то бесплотным духом, с самой темной.

– Хозяева здешние людей не жалуют, – уклончиво ответил Огнеяр. – Одна пришла бы – сожрали бы. Со мной не тронут. Так что спи.

Он дивился смелости Малинки и не собирался пугать ее рассказами про Дивьего Деда, здешнего лешего. Тот принадлежал к древнему племени «дивьих людей», живущих разом в двух мирах – живом и мертвом. У каждого из дивьих есть только одна рука, одна нога и один глаз, но бегают они быстрее и видят дальше, чем вся прочая нечисть. К счастью, здешний Дивий Дед в окрестностях остался последним. Ему было столько лет, что он выжил даже из небогатого лешачьего ума, но не растерял силы и жадности. Даже Сильные Звери предпочитали обходить его стороной. Огнеяр предпочел бы не соваться в земли Дивьего Деда, но другой дороги не было.

– А нам далеко идти? – расспрашивала Малинка.

– Смотря как пойдем. Дня еще на два хватит.

– Так далеко?

– А как же? Зима прошла, Хромой отсюда ушел и свою стаю увел. Теперь она далеко.

Огнеяр говорил отрывисто и неохотно, и Малинка не стала настаивать. Помолчав, она все же решилась спросить еще

об одном:

– А что там будет?

– Придем – увидим, – коротко ответил Огнеяр. – Давай спи.

Послушавшись, Малинка улеглась на подстилку из ветвей, пристроив под голову свой узелок. А Огнеяр еще долго сидел рядом, прислушиваясь к ее ровному спокойному дыханию. Мало кто из людей смог бы так спокойно спать на грани Надвечного Мира. То ли любовь и надежда сделали ее такой бесстрашной, то ли она слишком мало дорожила своей жизнью. А что ждет их впереди – Огнеяр и сам этого не знал. Он знал одно – другой дороги нет у них обоих.

Проснувшись наутро, Малинка увидела рядом с собой волка. Весь день они шли, только иногда останавливаясь ненадолго отдохнуть. Все вокруг казалось Малинке необычным, словно само солнце светило здесь как-то по-другому. Зелень дубов и кленов была здесь иной, и пестрые цветы в густой траве были Малинке незнакомы. Надвечный Мир был совсем рядом, и она вот-вот ждала увидеть впереди его межу – или широкую реку, или избушку на пеньках, которая может поворачиваться вокруг себя, или огромное дерево со сквозным дуплом. Ей хотелось расспросить об этом Огнеяра, но волк не мог отвечать на ее вопросы.

Только ночью, устраиваясь на ночлег, Огнеяр снова принял человеческий облик, и Малинке уже казалось, что он из тех оборотней, которым боги велели днем ходить зверями, а

ночью — людьми. В этот раз Огнеяр позволил разжечь костер и поджарить зайца, которого сам же и принес из леса. Но от разговоров он уклонялся — он затем и проводил весь день в волчьей шкуре, чтобы девушка не донимала его вопросами, на которые у него не было ответов. Но Малинка и не настаивала. Как сам Огнеяр верил ведущим его богам, так Малинка верила Огнеяру.

Третий день их путешествия начался как обычно, но Малинка быстро устала. Ей казалось, что они идут не прямо, а ходят кругами, все время уклоняются то на восход, то на закат, она оглядывалась, ожидая вот-вот увидеть уже пройденное место. Деревья как нарочно выстраивались на ее пути, заставляя искать проход в густых зарослях. Рядом с живыми стояли и мертвые, сухие стволы — плечи товарищей не давали им упасть, настолько густо они выросли. При малейшем порыве ветра по лесу прокатывалась волна сухого пронзительного скрипа, похожего на стоны, Малинка вздрагивала и тревожно оглядывалась. По стволам ползли полосы мха, то зеленого, то сизого, похожего на седую бороду, и каждое дерево, стоило ветру шевельнуть его ветви, казалось Малинке Лешим. Огнеяр не торопился, терпеливо ждал, пока девушка прoderется сквозь заросли и снова догонит его, не отпускал ее от себя дальше трех шагов.

— Не пора ли нам передохнуть? — спросила она, чувствуя, что руки и ноги ее налились тяжелой усталостью. Всякая кочка казалась горой, и идти было тяжело, словно с каждым

шагом приходилось преодолевать прочную упругую паутину. – Устала, аж ноги заплетаются.

Волк приблизился к ней и подставил спину: «Садись».

– Ой, что ты? – Малинка в изумлении всплеснула руками. Сесть на спине Огнеяру ей казалось так же немыслимо, как оседлать человека.

«Садись!» – с досадой велел волк, глядя ей в лицо пронзительными красными глазами.

И Малинка ахнула, сообразив: она понимает по-волчьи! Волк говорит с ней рычанием, и она понимает его язык.

– Догадалась? – прорычал Огнеяр, глядя в ее круглые от изумления глаза. – Мы уже перед самым Логовом. Здесь волчья земля, она от людей заклята. Люди тут с пути сбиваются, идти не могут, им каждая кочка под ноги кидается. Сама не пройдешь. Садись.

Теперь Малинка поняла, почему ей было так тяжело идти в этот день. Вспомнив кощуну³⁶ бабки Бажаны о княжиче Световике, Деннице³⁷ и Золотом Хорте, она подобрала подол и села верхом на Огнеяра, вцепилась в густую шерсть загривка.

– Ничего так? Тебе не больно? – обеспокоенно спрашивала она. – Ты скажи, если что.

– Ничего! – прорычал Огнеяр, и Малинке показалось, что он смеется. Никто никогда еще не ездил на нем верхом ни

³⁶ **Кощуна** – древняя песнь мифологического содержания.

³⁷ **Денница** – олицетворение зари, сестра или жена солнца.

на деле, ни на словах, однако случай был особый. – Держись крепче.

Нельзя сказать, чтобы Огнеяр пропускал меж глаз темные леса и заметал хвостом синие озера, но теперь они двигались вперед гораздо быстрее. Иногда волны беспричинной жути накатывались на Малинку, словно каждое дерево провожало ее неприязненным взглядом, под каждой кочкой таилась угроза. Весь этот лес был возмущен вторжением человека; Малинка ощущала эту враждебность и невольно жмурилась от страха, крепче вцеплялась в теплую густую шерсть Огнеяра. Что там болотная мара! Что там синие огоньки! «Сожрут! – стучало в голове у Малинки. – Сожрут!» Она не знала, кто и как ее сожрет, но понимала, что именно эта опасность грозит ей сейчас.

Незадолго до сумерек она увидела впереди высокую лесистую гору.

– Это Волчья гора? – спросила она у Огнеяра.

– Она самая! – подтвердил он. – Как бы там ни обернулось – с моей спины не сходи, земли ногой не касайся. Только ступишь – опять волчицей станешь.

Малинка поспешно подобрала ноги повыше. Она с трудом верила сама себе. С детства она слышала байки о Волчьей горе, где живет Князь Волков. Могла ли она и подумать, что когда-то сама окажется там?

У подножия горы росла редкая осиновая роща. Прямо на их пути на опушке лежало несколько волков. Вытянув пе-

редние лапы, они приподняли головы с настороженно стоящими ушами и не сводили глаз с неожиданных гостей. Сердце Малинки забилось часто-часто, а потом будто оборвалось и провалилось куда-то, так глубоко, что она больше не слышала его биения и едва чувствовала свое тело. На миг ей подумалось, что вот так же, наверное, чувствуют себя умирающие. Огнеяр напрягся, шерсть на загривке, за которую держалась девушка, начала дыбиться.

– Зачем ты пришел, Огненный? – рычанием спросил один из волков, по виду самый старый, и Малинка поняла его речь, как будто он говорил по-человечески. – И кого ты привез?

– Я пришел к Князю, – ответил Огнеяр. – Эта девушка хочет говорить с ним.

– Разве ты не знаешь, что Князь сам выбирает, с кем ему говорить? – Второй волк, помоложе, с рваным ухом, встал и загородил Огнеяру дорогу. – И что он никогда не говорит с людьми?

– Я знаю не меньше, чем ты, Рванный, и пока уберег свои уши в целости! – с вызовом ответил ему Огнеяр. – Эту девушку сам Князь когда-то принял в племя, она имеет право быть здесь и говорить с ним.

– Не она ли еще осенью отбилась от племени и снова встала на две ноги? – Старый волк тоже подошел поближе, разглядывая Малинку и принюхиваясь. – Она пахнет племенем.

– Это она. Пропустите нас.

Старый волк отступил, давая им дорогу, и Огнеяр с Малинкой на спине стал подниматься в гору. Теперь в ней не было ни волнения, ни страха; ей казалось, что она спит и видит сон о себе самой. Тело ее было здесь, а душа откуда-то свысока наблюдала за ним, эта отстраненность позволяла ей не бояться и в то же время внушала чувство, что она ничего-то здесь не знает и не понимает. Малинка шла по грани миров, по грани жизни и смерти, и Огнеяр был ее единственной опорой, без которой ее сразу поглотит бездонный омут.

Самая вершина горы была свободна от леса. Еще издалека Малинка заметила между деревьями просвет, но лучи, льющиеся оттуда, не были простыми лучами дневного света. Они были белыми, словно на этой горе задержался лунный свет. И били эти лучи не сверху, а снизу, от земли.

Деревья расступились, перед Огнеяром и Малинкой открылась поляна. Первое, что она заметила, – огромная белая глыба сияющей шерсти. Сам Князь Волков сидел посреди поляны, и его сверкающие зеленые глаза были устремлены прямо на Малинку. Ужас, пережитый когда-то на льняном поле, снова охватил ее, наполнил чувством беспомощности, незащитности перед этой жадной неумолимой силой. В испуге она хотела зажмуриться, но сдержалась и перевела взгляд в сторону. Вся поляна была полна волками. Серое Хорсово стадо расположилось на опушках, не занимая середину, десятки оскаленных морд были обращены к ней, десятки зеленоватых глаз светились угрозой. Сожрут! Малин-

ка снова посмотрела на Князя. Лучи лунного света били от его шерсти вверх, освещали всю поляну, бросали отблески на серые спины, играли в белизне оскаленных зубов, отзывались ярким зеленоватым блеском в глазах. Белый прозрачный луч коснулся и лица Малинки, и ей показалось, что это случилось с ней снова – она опять, как тогда, в начале зимы, стала видеть и воспринимать мир по-волчьи. И только вид собственных человеческих рук, намертво вцепившихся в серую шерсть Огнеяра, поддерживал ее уверенность, что она – человек.

– Ты опять пришел, Огненный! – низким, густым голосом сказал Белый Князь. Уши Малинки закладывало от этого нечеловеческого голоса, ужас волнами окутывал ее и проникал до самых костей. Это был воистину Сильный Зверь, сама душа волчьего племени. – И я вижу, ты поумерил твою гордость. Один раз ты отнял у меня добычу, теперь принес взамен другую. Это так?

– Это не так, Белый Князь, – ответил Огнеяр.

Ему тоже было не по себе перед Сильным Зверем, но он не испытывал страха. Чем больше его старались запугать, тем больше дерзости в нем просыпалось. И сейчас его наполняло странное удовольствие от разговора с Белым Князем – сродни наслаждению полета с огромной высоты, когда внизу – острые камни.

– Ты уже однажды пытался получить эту женщину в племя, – продолжал он, различая слухом дыхание тридцати трех

волков и чувствуя на себе тридцать три пары зеленых глаз. – Но она сбросила твои чары – боги не судили тебе владеть ею.

– Зачем же она пришла? – спросил Белый Князь. – Я узнал ее. Однажды она нашла дорогу домой – зачем же ты принес ее сюда снова?

– Отдай мне моего жениха! – вдруг сказала Малинка. Она сама не ждала, что решится заговорить, но слова вырвались против воли, словно кто-то другой заговорил ее голосом. – Мой жених остался волком. Отдай мне его.

– Я не отдаю назад того, что взял, – ответил ей Белый Князь, глянув прямо ей в глаза своими зелеными глазами, но Малинка не испугалась – она уже не ощущала себя частью живого земного мира, которую можно убить.

– Светлый Хорс не велел тебе трогать людей! – с вызовом ответил Огнеяр.

– Не тебе знать, что велел мне Светлый Хорс! – с гневом зарычал Белый Князь, приподнялся на лапы, но потом вдруг снова сел. – Ладно, – неожиданно согласился он. – Только я не знаю, кто из них твой жених. Узнаешь его – я позволю ему снять волчью шкуру.

– Я узнаю, – согласилась Малинка. Как раньше она не могла бояться, так теперь не смогла обрадоваться и только повторила: – Я узнаю.

– Через три дня все мое племя соберется у Волчьей горы, – сказал Белый Князь. – И ты должна будешь узнать своего жениха. Только его одного. И только один раз.

– А не обманешь? – спросил Огнеяр.

Белый Князь снисходительно усмехнулся, приподнялся и чуть отступил в сторону. И стало видно, что прозрачный белый свет испускает не он сам, а широкий пень позади него. Вернее, большой нож со сверкающим широким лезвием и серебряной рукоятью, воткнутой в щель на поверхности пня. Это был Острый Луч – рожденный из Хорсова луча и подаренный волчьему племени как источник его силы и знак родства с божеством. Клинок казался тонким лучом белого света, застывшим острым языком пламени, но все знали, что тверже и острее его нет клинка на свете.

– Пусть Пресветлый Хорс будет послухом – я сделаю, что обещал! – надменно ответил Белый Князь. – А если вы мне не верите – я не держу вас.

– Мы тебе верим, – сказал Огнеяр, с трудом отведя глаза от сверкающего ножа. Именно Острый Луч наделяет избранника силой Князя Волков. – Мы будем здесь через три дня.

Повернувшись, он понес Малинку прочь с поляны. Десятки горящих глаз провожали их, но никто не шелохнулся. Волки у подножия пропустили их молча, и Огнеяр с Малинкой снова нырнули в чащу. С каждым шагом ей делалось все легче дышать, тело слабело, а страх завладевал душой – только теперь она начала осознавать, где была и с кем говорила. Неужели ей придется еще раз вернуться туда?

Когда Волчья гора скрылась из вида, Огнеяр остановился и встряхнулся. Малинка послушно сошла с его спины и тут

же повалилась на мох, совершенно обессиленная.

– Ну что – пойдём опять туда? – прорычал Огнеяр, но она его не поняла.

Тогда он кувырком стряхнул с себя волчью шкуру и с наслаждением потянулся – ему тоже хотелось совсем избавиться от памяти о волках. Даже ему посещение Волчьей горы не прошло даром.

– Пойдешь опять? – по-человечески спросил он у Малинки, садясь на мох рядом с ней. – Или страшно?

– Страшно. – Малинка подняла голову, увидела его, облегченно вздохнула и схватила его горячую руку. Теперь она была не единственным человеком в волчьих землях. – Еще как страшно! А все равно пойду. Как же не идти? Ведь он обещал... Скажи! – Она села на мох и тревожно впиалась глазами в лицо Огнеяра. – Он обещал – так не обманет?

– Нет, пожалуй. Перед Острым Лучом обещал – не обманет.

Малинка перевела дух и снова легла на мох, подложив узелок под голову. После всего перенесенного она чувствовала отчаянную усталость, но боялась заснуть, боялась тех ужасных снов, которые могли навясть ей десятки волчьих глаз.

Огнеяр положил руку ей на голову, и она мгновенно заснула. И не видела во сне совсем ничего – дух ее отдыхал, Огнеяр запретил ему странствовать. Самому Огнеяру спать не хотелось. Белый свет Хорсова ножа сиял перед его глаза-

ми, ослеплял и дразнил. Как и у Малинки, у него не было дороги назад. Бросить Князю Волков девушку, которая ему верила, Огнеяр не мог. А если стоять за нее до конца – наверняка придется драться. Огнеяр слишком хорошо знал Хромого, чтобы поверить в его неожиданную доброту. Огромная, мощная фигура Старого Князя стояла у него перед глазами – только безумец мог надеяться одолеть его. «Он сидит перед пнем и никого не пустит на свое место, – думалось Огнеяру. – А впрочем... На то он и старый, что ему на смену приходит молодой. И почему не я? Кто имеет на это место больше прав, чем я, сын Велеса? Отец! – может быть, впервые в жизни осознанно позвал он. – Поможешь?»

И багровое пламя ярко вспыхнуло перед его глазами. За свою жизнь Огнеяр совершил много такого, что не нравилось его отцу, но в этом деле Подземный Хозяин поможет. Став Белым Князем Волков, Огнеяр сделает шаг к обретению той божественной сущности, в которой был рожден. А теперь он знал, что его главный поединок еще впереди.

В который раз за последние месяцы Огнеяр подумал о своем противнике – сыне Перуна. Огнеяр жалел, что так мало выспросил о нем у Еловы и Оборотневой Смерти – даже имени не знает. Где его искать? Теперь в жизни Огнеяра появилась новая цель, но он знал, что к поединку своей судьбы еще не готов. Он не знал главного: за что он будет биться с неведомым оборотнем, покрытым рыжей шкурой? Казалось бы, о чем тут спрашивать – их битва должна стать продол-

жением извечной битвы их отцов, Перуна и Велеса. Но этого Огнеяру было мало. Пусть Велес создал его только как свое оружие – он не был бессловесным и нерассуждающим оружием даже в руках бога. Сам полубог и полужверь, он обладал беспокойным, вечно жадным человеческим разумом и хотел знать дороги своей судьбы.

«Дожить бы еще!» – угрюмо подумал Огнеяр, вспомнив сияющие глаза Белого Князя. Но здесь было и проще – сейчас Огнеяр точно знал, за что будет драться.

Глава 3

На займище Вешничей несколько дней прошло спокойно. Два березовых листочка так и сидели в волосах Милавы, она привыкла к ним, осторожно причесывалась, стараясь не задеть их гребнем. День ото дня они росли, наливались густой зеленью, словно сидели на обычной березовой ветке, где посадила Мать Макошь, и с каждым днем все труднее было прятать их под волосы, чтобы не заметили родичи. А что будет, если кто-нибудь узнает? Тогда ее тоже объявят нечистой, запрут в пустую клеть или отдадут Елове – и уж тогда им останется пропадать вместе с Брезем. Ни за что Милава не хотела попасть в руки ведуньи и старательно прятала листочки. На ходу или от ветра они терлись о ее волосы, нашептывали что-то непонятное, и Милава невольно вслушивалась в тихое шуршание, старалась вникнуть...

Тот березовый смех, который она слышала наутро после Ярилины дня, тихо шумел у нее в ушах. Иногда Милаву всплеском охватывали страх, обида, чувство одиночества и тоски, она вспоминала, что листочки эти – печать Леса, знак его власти. В такие мгновения ей хотелось сорвать листочки – пусть будет больно! – рассказать всем, пройти любое, самое суровое очищение, но вырваться из цепкого плена, вернуться в теплый человеческий мир, к родичам, к подругам. По ночам ей снилось, что вокруг нее шумит беспросветный

дремучий Лес, ветви тянутся к ней, как хищные жадные лапы, корни ползут из земли и цепко обвивают ноги, дупла раскряхиваются в толстых стволах, как пасти хищных зверей. Лес голоден!

Но этот страх приходил только ночью, а днем Милаву тянуло в лес, словно там ее ждал кто-то, кто все объяснит, научит, как одолеть беду. Она полюбила сидеть на крыльце и смотреть на большие березы на опушке, видные над верхушками тына.³⁸ В солнечные ветреные дни, на которые богат оказался нынешний кресень, каждый листочек на развесистых ветвях трепетал, поблескивал в лучах солнца, словно береза смотрит тысячей глаз, говорит тысячей языков. В сильных порывах ветра все ветви взметывались разом, и казалось, что береза, как огромная зеленокрылая птица, вот-вот оторвется от земли и взлетит ввысь... А если смотреть подольше, то в белоствольном дереве ей начинала видиться высокая, статная фигура женщины. Она приветливо улыбается солнечными бликами, машет зелеными рукавами. Это сама богиня Лада выступала из светлой рощи, и на глаза Милавы наворачивались слезы от какой-то пронзительной радости перед красотой мира – так близок был ей в эти мгновения Надвечный Мир светлых богов.

На солнечных полянах поспела земляника. Хотя Елова и не велела молодым ходить в лес, остаться без ягод на всю зиму Вешничи не хотели, и девушек со старшими парнями

³⁸ **Тын** – забор из заостренных бревен или жердей.

послали на земляничные поляны. Им наказали не отходить друг от друга дальше трех шагов, но и без приказов все со страхом думали о берегинях, о том, что в пору цветения Лес голоден и жаден. Со всеми пошла и Милава.

Березняк встретил их ласковым шумом, птичьим пением, приветливо рассыпал на пути землянику. Рядом с Милавой по траве ползал братец Вострец. Ему было всего четырнадцать лет, но его пустили со старшими, потому что с самого детства он считался любимцем Лесного Деда. Никто лучше него не умел искать в лесу дорогу, а на грибы и ягоды он имел поистине волшебное чутье. Если в худой год во всем лесу вырастал хоть один гриб, то находил его непременно Вострец. Все хотели ходить по грибы вместе с ним, но он выбирал себе попутчиков сам. Если кто пытался перехватить выбранную им тропу, то он просто сворачивал, и все грибы, как по волшебству, перебегали со старого места на новое и оказывались у него, а не у другого.

Сейчас он лениво шарил в траве, но все сыпал и сыпал в берестянку Милавы горсть за горстью самых крупных и спелых ягод. Своего тuesка Вострец не озаботился захватить и потому не отпускал сестру далеко.

– А вот бы не берегиня Брезя, а Брезь берегиню поймал, – вдруг сказал Вострец Милаве, и она быстро повернулась к нему. Как раз об этом думала она сама.

– Молчи, молчи! – Одна из старших сестер, Полянка, ткнула берестянку в траву и негодуя замахала руками. –

Как же можно такие слова в лесу вслух говорить! Берегини-сестрицы, Леший-Батюшка, простите нас! – попросила она, кланяясь на все четыре стороны.

– А что, разве не бывало? – Вострец сел на траву среди земляничных листьев, взял в рот травинку и принялся ее жевать. – Слыхали, что дед Щуряк рассказывал? Ежели парень себе в жены берегиню добудет, то весь род будет счастлив и удачлив. И урожаи будут обильные, и птица-рыба сама в руки прыгать станет, и скотины расплодится, что звезд на небе. Был бы я постарше, уж я бы счастья не упустил. У нас по двору берегиня ходит, а мы только слезы льем. В полынь зарылись по уши, дышать нечем, скоро нас вместо Вешничей Полынниками прозовут! Стыд! Взять бы ее в невестки, коли уж она Брезю так полюбилась!

– Молчи, дурной! – прикрикнул на него Заренец, расслышав, о чем они говорят. – Да где ты такой видал род, чтобы в невестках берегиня жила?

– А вот и знаю! Дед сказывал! В одном роду берегиня парня полюбила, и он ее в жены взял. И род ее принял!

– Дед басни сказывал! Ты уж не малое дитя, чтоб в басни верить. Это ж суметь надо – берегиню поймать! Лягушек и то ловить умеючи надо!

– А дед сказывал, как их ловить! – не сдавался Вострец. – Надобно подстеречь, когда они в озере купаются, да лебединые крылья у одной утащить. Она без крыльев улететь не сможет и за тем человеком пойдет.

– Да как ты к ним подойдешь? – снова вмешалась Полянка, раздосадованная тем, что непутевый парень дурной болтовней растрawляет их общее горе. – Глупый ты, хоть и ловок грибы искать! Берегини же живого человека за пять верст чувуют! К ним подойти – это слово надо особое знать! Вон, Косанка на репище³⁹ сорняки дерет – ты хоть к ней подойди, чтоб не учуяла! А то – берегиня! Тоже, ведун сыскался! Не трепи языком попусту!

Вострец не стал с ними спорить, равнодушно жевал свою травинку. А Милава с нетерпением ждала, когда старшие отойдут подальше, ей хотелось продолжить разговор. Хоть один человек нашелся во всем роду, кто верит, что Брезя можно спасти! Все другие уже в душе распрощались с парнем, не надеясь увидеть его здоровым и в ясном рассудке, даже родители оплакивали его, как умершего. Только Милава не могла с этим смириться, и ее так порадовало открытие, что не все еще похоронили ее брата!

И ведь он прав! Когда встречается земной мир и Надвечный, человек и берегиня, их тянет друг к другу, но жить на грани миров опасно. И первым гибнет человек, как более слабый. Но если это окажется сильный человек, то он не позволит берегине утянуть его с собой, а сам перетянет и найдет способ оставить ее на земле! Да, рассказывали про одного, которому это удалось. И если Брезь сам не сумеет, ему ведь

³⁹ **Репище** – поле, где выращивают репу. До появления картофеля репа была основным овощем славян и выращивалась в очень больших количествах.

можно помочь! А Милава была готова на все, что в человеческих силах, и даже на большее.

Постепенно они с Вострецом отделились от остальных. Сначала на них оглядывались, звали, но потом Заренец махнул рукой: уж Вострец и сам не заблудится, и другим не даст. Милава только открыла рот, чтобы вернуться к речи о берегине, но вдруг заметила за деревьями неясную человеческую фигуру. Кто-то худой и длинный, в серой рубаше ниже колен, шел прямо к ним. Милава ахнула – не Леший ли явился?! – и схватила за плечо сидящего на траве Востреца, а он только посмотрел туда и спокойно выплюнул изжеванную травинку.

– Лешачий кум пожаловал! – пробормотал он. – Садись – сейчас чего занятное порасскажет.

Милава облегченно вздохнула – теперь и она узнала лесного гостя. Это был всего-навсего Говорок, придурковатый пастух. Рассказывали, что в детстве он, прельстившись обильным малинником, забрел один в чащу, а там его закружил и заморочил Леший. С тех пор Говорок сделался неспособен ни к какому толковому делу, а только и может, что пасти скотину. Целыми днями он просиживал на пеньке, бормоча что-то себе под нос и подслеповато морщась на свет. Матери указывали на него маленьким детям, наставляя не ходить в лес в одиночку: «А не то таким же станешь!» Зато пастуха такого было поискать: ни у кого скотина не хворала меньше и не плодилась лучше, чем у Вешничей. Дети посмелее часто просили Говорка обучить их звериным языкам, но

матери гнали их прочь от пастуха, опасаясь порчи.

Завидев бледное лицо Говорка, наполовину завешенное спутанными отросшими волосами, узкие плечи, пастушеский кнут в вялой руке, Милава подумала о Брезе – как бы и ему не стать таким же!

– Дозволите с вами присесть? – смиренно спросил Говорок, шурясь от солнца и кланяясь.

Сейчас в его голове было посветлее обычного: он смотрел на Востреца и Милаву осмысленно и даже узнал их.

– Отчего же нет? – ответил Вострец. Он был лучшим приятелем Говорка во всем роду, никогда его не сторонился и с любопытством прислушивался к его путаным речам. – Лес-то не наш – сиди где хочешь.

«Да он здесь хозяин побольше нашего!» – подумала Милава.

– Как же ты стадо оставил? – спросил Вострец. – Не разбредутся коровы?

– Не, я им ноги заговором спутал, – обстоятельно ответил Говорок. Усевшись на траву, он разложил вокруг себя кнут, дудочку и потертую холщовую сумку, устраиваясь на долгий отдых. – Да и Лесовица присмотрит. Я ей хлебушка на пенечке оставил. Да, вот иду я вчера через болото, – оживленно заговорил вдруг пастух и даже выпрямился, как будто вокруг него сидело с десятков слушателей. – Да гляжу – на листе лягушка сидит, такая лягушка – о трех головах! Да поет. *Ой деvуишки, голубуишки, подружки мои!* – тонким

женским голосом запел пастух, закрыв глаза, лицо его стало мечтательным, на щеках сквозь неряшливую щетину пробился румянец. Милава смотрела на Говорка с жалостью и тоской, а Вострец усмехался, радуясь развлечению.

— Да так сладко поет, как девицы на посиделках... — Говорок помолчал, потом открыл глаза, удивленно оглядел поляну, тряхнул головой и обратился к Милаве: — Да! А ты, Ясинка моя, матушке скажи, как будет она пироги печь, пусть и пастуха не забудет, а то сызнава коровке вашей теленочка живого не видать!

— Я не Ясинка, — грустно ответила Милава и глазами сделала Вострецу знак: пойдём отсюда. Чего разговаривать с убогим, если он уже ее с другой перепутал?

— Нет? — Говорок удивился, лицо его разом погасло. Милава шагнула в сторону, но пастух вдруг быстро вскинул руку, словно хотел ее удержать. — Вот ты говоришь: не Ясинка. А почему? Вот оно, имя-то! Не имя — уже и не ты! Дали имя — есть человек! Не дали имени — нет человека, хоть волки его ешь! А кто имя знает, тому и дух в руки идет. Знаешь имя — кого хочешь возьмешь, хоть лешего, хоть оборотня, хоть...

Пастух внезапно замолчал и уставился в траву перед собой.

— Хоть берегиню? — подсказал Вострец.

— А хоть и берегиню, — тихо, безразлично повторил Говорок. — *Ой девушки, голубушки, подру...* Да вот я и говорю: сама такая зелененькая, вот как травка молоденькая, а на спин-

ке пятнушки, будто ряска...

Милава досадливо вздохнула: только-только, услышав о берегине, она понадеялась на что-то толковое, и вот вам!

– Ну, это ты врешь! – уверенно ответил Вострец. – Чтоб сама зеленая, а пятнышки ряской!

– Не вру, Леший Дед послух, не вру! – с прежней горячностью заговорил пастух, глядя то на Востреца, то на Милаву, словно умолял ему поверить.

– И песни поет? – недоверчиво спросил Вострец.

Милава снова показала ему глазами в сторону. Но Вострец в ответ стал делать ей какие-то оживленные знаки и показывать на Говорка, словно тут сидело с ними невиданное чудо.

– Поет, поет! – уверял его Говорок. – *Пойдете вы цветочки рвать – сорвите и мне...*

– Да как же ты услышал? – с сомнением спросил Вострец, не давая ему допеть. – Ведь такое диво лесное людей за версту чует, схоронится!

– А меня не чует! – горделиво ответил пастух и захихикал, пригнув голову и заговорщицки оглядываясь. – Не чуют меня, не чуют! На мне берегов-то нету, я им – пустое место!

Говорок радостно хихикал и мелко тряс головой. Милаве было жалко и тоскливо смотреть на него, но Вострец все не желал уходить.

– А может, ты и берегиню близко видел? – спросил он у пастуха.

Говорок вдруг разом перестал хихикать и испуганно вытянул голову в плечи.

– Нельзя говорить! – зашептал он, прикрывая рот ладонью. – Они близко, ой близко! Всяку ночь я их песни слышу! А одна и вовсе к Еловиной избе ходит! Все ходит, все ходит, поет, поет... А другие летят прочь на заре – кличут ее! Много их, много! Берегись! Беда, если учуют кого!

Говорок съежился на траве, спрятал лицо в поджатых коленях и затих. Милава смотрела на него, сморщившись от усилия сообразить, собрать воедино отрывки его беспорядочных речей. Она догадалась, что Вострец не зря так долго беседовал с безумцем, что пастух сказал им что-то важное, но что?

Вострец со значением посмотрел на Милаву, потом нагнулся к Говорку и тряхнул его за костлявое плечо, обтянутое грубой серой рубахой безо всяких вышивок.

– Эй! Так что там с лягушкой трехголовой?

– А? – Пастух вскинул голову и посмотрел на них с испугом и недоумением. – Вы кто? Вам чего надо? Не трогайте меня! А вам вреда не делаю!

Лицо его побледнело и стало тупо-безразличным, веки полузакрылись.

– *А будете веночки плести – сплетите и мне ...* – снова затащил он себе под нос.

– Село солнышко в головушке! – с досадой пробормотал Вострец и безнадежно махнул рукой. – Все, теперь от него

долго слова толком не добьешься!

Из-за деревьев послышались голоса Заренца и Полянки, зовущие их. Милава и Вострец подхватили свою берестянку и побежали на зов. Говорок остался сидеть на поляне, обняв колени, покачиваясь и тусклым голосом напевая лягушкину песню.

Милава и Вострец нагнали остальных, но продолжали держаться вместе. Милава и так, и эдак вертела в памяти слова Говорка, но не могла ничего понять.

– Да ты поняла, чего он сказал-то? – прошептал ей Вострец, высыпая в берестянку новую горсть ягод.

– Нет, – оглянувшись на сестер, прошептала Милава в ответ. – Муть болотную нес. Про лягушку какую-то трехголовую!

– Сама ты трехголовая! – с досадой отозвался брат. – А ума что в печном горшке! Песню-то слышала русальную? Берегиня эту песню пела, не лягушка! А может, наш дурачок берегиню лягушкой увидел, он может. А про берегиню-то он правду сказал! Каждую ночь она к Еловиной избушке ходит, та, что Брезя заморочила! Видно, она его к себе выманить хочет, да Еловы боится! Вот тут нам бы ее и поймать! Крылья ее мы с тобой не удержим, тут мужик нужен, а сам Брезь едва с лавки встает. Попробуй хоть узнать, как ее имя! Слышала: кто имя знает, тому дух в руки идет!

– Ведь правда! – Милава вспомнила слова пастуха. – Да как я к ней подойду? Она ведь учует меня!

– А как же Говорка не чувствует? Видала – на нем рубаха невышитая, оберегов никаких – он для нечисти что пустое место! Вот и ты надень рубаху невышитую, оберегов не бери с собой – они и тебя не учуют!

Милава помолчала, обдумывая слова младшего брата. Они стояли на коленях среди земляничных кустов, где все ягоды уже были выбраны, и только для вида шарили под прямыми резными листьями.

– Страшно! – прошептала наконец Милава. – Как же без оберегов да в лес – ешь меня кто хочет.

– Знамо дело! – невозмутимо согласился Вострец. – Да Говорка уж сколько лет не едят.

– Говорка уж сколько лет как съели! Что он там наболтал – у него же в голове смеркается рано, рассветает кое-как! Он и сам не знает, что несет, а я с его болтовни пропаду!

Вострец сел на землю, прикусил травинку и досадливо вздохнул. Почему ему всего четырнадцать лет, а не семнадцать хотя бы! Вот и объясняй, уговаривай – сам давно бы все сделал!

– Говорок-то безумный, да о лесных делах лучше него никто правды не знает! – взяв себя в руки, снова принялся убеждать сестру Вострец. – Получше всех умных! Умные вон слезы льют да ягодки шарят. А Брезя пропадать бросили. Хочешь, чтобы и он как Говорок стал? Я бы сам...

– Нет! – испуганно воскликнула Милава. – Тебе совсем нельзя! С тобой точно как с Брезем будет! Я... Может, я су-

мею...

Она не договорила, сама еще не зная, поверит или не поверит, решится или не решится. Страшно, безрассудно было довериться смутным речам безумного пастуха и идти в лес ночью слушать имя берегини. Но иначе Брезь и правда станет таким же, как Говорок.

Вечером Милава тайком вытащила из ларя белую рубаху, которую готовила себе в приданое, но еще не успела расшить оберегающими узорами. Ложась спать, она спрятала рубаху в изголовье, особенно скрывая ее от глаз Спорины. Со дня появления березовых листочков сестра строго присматривала за ней и, уж конечно, не пустила бы ее в лес. Но Спорина была сегодня не в себе: то сидела, молча оглядывая углы, то вдруг принималась бестолково суесться по избе, хватая и роняя что ни попадя. В иное время Милава удивилась бы, но сейчас ее мысли были заняты другим.

Притворно прикрыв глаза, Милава ждала, пока все уснут, пока бабка, поворчав и повздыхав, сонно засвистит носом. Сама Милава не боялась заснуть – ее била дрожь, сердце громко стучало.

Вот изба затихла. Милава неслышно сползла с лавки, прихватив рубаху, и прокралась в сени. Там она переоделась и распустила волосы. Осторожно, без скрипа отворив дверь, она оказалась на крыльце и постояла, собираясь с духом. Все живые теплые люди спали, двор был залит ярким лунным

светом, как в ту ночь, когда берегиня пришла к Брезю. Как раз такие лунные ночи они и любят.

Листочки, освобожденные от тугого плетения косы, сами собой развернулись, словно бабочки расправили крылья. Сейчас эта затея казалась Милаве еще более глупой и опасной, чем утром в лесу. Может, ни слова истины и не было в болотной мути Говорковых речей, может, и не ходит берегиня к Еловиной избе, и не кличут ее на заре улетающие сестры. А вот что без оберегов ночью ходить в лес, да еще в русалий месяц кресень, может только тот, кому жить не хочется, – вот это правда истинная!

Милава вспомнила бледное лицо Говорка, тупо-безразличное, с вяло опущенными веками. И тут же перед ее взором встало лицо Брезя – красивое, румяное, веселое. Нельзя, чтобы он стал таким же, навек потерял разум, силу, бодрость. И пусть путь к его спасению ненадежен и опасен – это лучше, чем в бездействии смотреть на гибель брата и причитать о злой судьбе. Сколько людей погибло, не исполнило своей судьбы потому, что слишком слабо в нее верило! У Милавы не было ни сил, ни мудрости, ни чародейного дара, но была любовь к брату и вера в доброту судьбы. Стараясь сдержать дрожь в пальцах, Милава осенила голову и плечи знаком огня и сошла с крыльца.

Лес был полон шорохов и неясных звуков, кричали ночные птицы. Где-то вдали над Белезенью разливалось пение – это гуляли парни и девушки Черничников и Борови-

ков. Всем месяц кресень приносит радость и веселье, только Вешничи в этот год остались одни, словно у них на займище гуляет Моровая Девка⁴⁰ или Коровья Смерть.⁴¹

Милава торопливо бежала через березняк, через поля к ельнику, чутко прислушиваясь ко всему, что творилось вокруг нее. Без оберегов она была открыта для всех четырех ветров, любая нечисть могла завладеть ею, она была невидима для богов, благодетельные стихии не держали ее в объятиях. Только привядшую ветку полыни она взяла со двора – ведь если берегини увидят ее и просто уведут с собой, Брезю это не поможет. Сама себе Милава казалась легче березового листа, словно сбросила с себя тяжесть человеческого тела, она летела над спящей травой, как невесомая полоска бересты на ветру, былинка, затерявшаяся между мирами. Ей было страшно, но где-то в глубине ее сознания жило твердое убеждение – так надо, она должна идти! – и это убеждение вело ее вперед, придавало сил.

Она вышла в поле, покрытое уже высокими ростками ячменя. Чистое ровное пространство пашен расстилалось по обе стороны дороги, и только вдали, невидимый в темноте, дышал лес.

Было тихо, и вдруг Милава различила позади себя чьи-то шаги. Холодный ужас окатил ее с головы до ног и на миг пригвоздил к месту. Шаги стихли. Едва переставляя ноги,

⁴⁰ **Моровая Девка** – злой дух, олицетворение опасных болезней.

⁴¹ **Коровья Смерть** – злой дух, олицетворение болезней и падежа скота.

Милава ступила вперед, и шаги позади послышались снова. От страха у нее перехватило дыхание, хотелось броситься бежать без оглядки, но нельзя – все равно догонит. Тянуло обернуться, но тоже нельзя – тогда Ырка,⁴² злобный неупокоенный дух, мгновенно окажется рядом. Нельзя оборачиваться – тогда он не посмеет подойти близко. Но она совсем незащищена перед кровососом... Хватая ртом воздух, как едва из-под воды, Милава заставила себя пройти еще вперед. Ясно слышные шаги позади приблизились. До леса, где полевой злыдень бессилен, ей не успеть дойти. Вот-вот из-за спины выскочит черная тень, луна осветит безумно-страшные, налитые дурной кровью глаза...

Оставалось одно средство. Милава остановилась, мгновение послушала тишину позади себя, ожидая, что вот-вот холодные когти вопьются в шею и плечи, оглядела темное небо, подняла ладони ко рту и протяжно закричала, обращаясь к далекой темной линии небосвода:

– Де-е-д! Ты слышишь?

Изо всех сил она представила себе лицо умершего деда Ерша, с ним смешалось лицо пращура Вешника, которое она воображала по рассказам. И напряженный слух Милавы уловил над темным лесом далекий, с самых небес идущий отклик, протяжный вздох из-за облаков:

– Слы-ы-шу-у!

⁴² **Ырка** – неупокоенный дух самоубийцы, опасный для живых. Обитает в ночном поле или на перекрестках дорог.

Милава облегченно вздохнула, цепкий ледяной ужас отпустил ее, даже воздух ночи показался теплым, почти жарким. Она пошла вперед; шаги за спиной пропали. Ырка отстал, испугавшись Деда.

Она быстро миновала следующий узкий перелесок, и перед ней открылось светлое пространство недавно засеянного льняного поля, залитое лунным светом. Этот свет был похож на снег, и на миг Милаве вспомнился тот далекий вечер, когда на этом поле бешено бились о землю люди-волки, а Белый Князь смотрел на них от опушки, и его зеленые глаза горели торжеством. Тогда рядом с ней был Огнеяр, способный защитить ее даже от жадного Белого Князя. Теперь ее защитник далеко, так далеко, что не дожидаться его и не дозваться. Теперь Милава могла надеяться только на себя. На миг чувство одиночества оглушило ее, руки опустились в отчаянии, в груди похолодело от безнадежности... Но в тот же миг она забыла обо всем.

В самой середине поля кружился хоровод светлых девичьих фигур – стройных, легких, наполовину прозрачных, одетых в белые рубахи, с длинными волнистыми косами до колен. Они кружились хороводом, прыгали и вертелись, но земля не мялась под их невесомыми ногами, и светлые ростки на глазах поднимались, тянулись вверх. Это были они – берегини. Прижимая руки к бьющемуся сердцу, Милава встала на краю поля, прячась в тень деревьев. Их она искала и вот нашла; она и верила, и не верила своим глазам. Не все

в речах Говорка было болотной мутью.

Ты удайся, удайся, ленок,
Тонок, долог, тонок, долог,
Бел-волокнист! —

звонко пели берегини. За это им дарят подарки и несут угощения под березы — чтобы они благословили поля, луга и посевы, дали изобилие человеческому роду. Но Милава не думала об этом, не любовалась пляской прекрасных дев, а настойчиво разглядывала их, ясно видных в свете луны, стараясь угадать ту, по которой сохнет ее брат. У одной, высокой и крепко сложенной, на гордой голове был венок из дубовых листьев — это Дубравица, Душа Дубрав, старшая сестра. У другой в длинные, до земли, косы были вплетены ивовые ветви с вытянутыми листочками — это Ивница, Душа Плакучей Ивы, полощущей ветви в воде. У третьей на голове был венок из сияющих звездами цветочков земляники, сладкий запах ягод достигал до края поля — это Земляничница. Приглядываясь, Милава отличила Травницу, Купавницу, Мятницу. Иных она не могла разглядеть или не могла догадаться об их именах. А как найти среди девяти сестер ту, которая ей нужна?

Хоровод берегинь распался, со смехом они бросились бежать к берегу Белезени. Одна отстала от сестер и полетела по траве в другую сторону — к ельнику. На ее голове был венок из каких-то темных листьев; Милава не могла разгля-

деть, что же это такое, как ни старалась. Сердце ее забилося сильнее – наверное, это она! И это тоже правда! Не глядя больше на других, она пошла за этой берегиней, с трудом поспевая за ее невесомой поступью и стараясь не слишком приближаться, чтобы не спугнуть ту горьким запахом злой травы. Самой Милаве полынь уже стала казаться отвратительной, и только из страха остаться уж совсем беззащитной она не выбросила резко пахнущую ветку.

Вслед за берегиней она дошла до поляны в ельнике. Стройная белая фигура девушки-березки виднелась в трех шагах перед крыльцом. И далеко, по всему березняку разливался ее нежный голос, поющий печальную песню покинутой невесты:

Цвели в поле цветики, да поблекли,
Любил меня миленький, да покинул!
Ох, покинул, душа моя, ненадолго,
Ах, на малое времечко, на денечек!
Денечек мне кажется за недельку,
Неделька кажется да за долог месяц!

И столько сердечной печали было в ее песне, что даже Милава была очарована и чуть не плакала от тоски, стоя за елью на краю поляны. Никто не поверил бы, слыша этот голос, что песню поет не живая девушка, страдающая от горячей любви, а лукавая, беспечальная берегиня, дочь Пресветлого Дажьбога, не знающая человеческих чувств и земных горестей.

И лицо ее, нежное и прекрасное, стало лицом Горлинки, таким, как его помнила Милава. Если бы она не видела берегиню на льняном поле, то сама готова была бы поклясться, что видит перед собой невесту брата. И надета на ней была та самая рубаша, которую Милава повесила утром Ярилина дня на березку в роще.

В избушке Брезь тяжело заворочался во сне, глухо застоялся. Елова, дремавшая одним глазом, подняла голову с растрепанной седой косой, встала и обошла вокруг лавки, где он лежал, бормоча заговор. Ночь за ночью она охраняла парня от чар берегини и чувствовала усталость; до Купалы оставалось недолго, но и силы ведуньи были на исходе.

Полоска зари над краем леса делалась все яснее, ярче. Уже настолько посветлело, что Милава могла различить даже узоры на рубаше берегини, вышитые ее же руками. Ну, если не сейчас...

В утренней тишине послышался легкий шелест крыльев. Прячась за еловые лапы, Милава вскинула голову – с восточной стороны летела лебединая стая. Одна, две, три... восемь белых лебедушек торопливо насчитала Милава.

Девушка возле избушки тоже подняла голову к небу.

– Сестра! Сестра! – пролетели над лесом нежные зовущие голоса.

– Пора! Летим! Сестра! Дивница! Летим!

Милава задохнулась и прижала руки ко рту, чтобы не вскрикнуть.

Дивница! Душа волшебной травы девясила,⁴³ травы девяти жизней! Вот оно, имя, ради которого она пошла в лес ночью! Она чуть не плакала от волнения: не обманул Говорок, Вострец правильно истолковал его безумные речи! Не зря она пошла на этот страх, чуть не попала в зубы Ырки, в хоровод берегинь!

Девушка перед избушкой подняла вверх руки, плавно повела широкими рукавами и вдруг быстро повернулась на месте; фигура ее исчезла, Милаве показалось, что стремительный вихрь вертит молоденькую березку и ветви ее машут, как крылья. И вот вихрь опал, над полянкой взлетела белая лебедь. Описав мягкий круг над дерновой, поросшей мхом крышей, она прощально прокричала что-то и взвилась в светлеющее небо, вслед за улетающими сестрами. А на траве перед избушкой осталась лежать вышитая рубашка.

Словно что-то толкнуло Милаву: возьми! Перебежав через поляну, она торопливо схватила рубашку – она была прохладной и хранила запах лесных трав. Милава жадно обнюхала ее, выискивая в охапке запахов тот, который был нужен. Да, запах девясила был сильнее всех, и Милаве захотелось прыгать от радости, словно она уже сделала самое главное дело. Она узнала имя берегини, и теперь появилась настоящая надежда справиться с ней. Крепко прижимая к себе рубашку, Милава ощутила легкость и силу, чувствовала себя способной на любое небывалое дело. Сейчас она могла бы

⁴³ **Девясил** – целебная трава, которой приписывались волшебные свойства.

ухватить за хвост ветер, зачерпнуть горстью отражение звезд в воде.

Вдруг резко, сварливо скрипнула дверь избышки, и на пороге ее встала темная фигура женщины с растрепанной седой косой. Милава вздрогнула и крепче прижала к себе рубаху. Елова стояла на пороге, держась за косяк, и смотрела на Милаву с изумлением и тревогой. Она не понимала, кого видит перед собой на том месте, где только что была берегиня.

Сначала Милава застыла в испуге, словно пойманная на каком-то проступке, но через несколько мгновений, полных недоуменного молчания, страх ее прошел. Ей вдруг показалось, что о тайной жизни сегодняшней ночи она знает гораздо больше Еловы. И в этот миг ведунья наконец ее узнала.

– Ты пришла! – негромко сказала Елова, и в голосе ее слышались досада и упрек. – Знала я, что тебя в лес потянет.

– Меня не в лес, а к брату тянет! – храбро ответила Милава и сделала шаг к избышке. – Зачем ты его от людей увела, от солнца спрятала?

– Спрятала я его от берегини! – сварливо ответила Елова. – Что ты знаешь, девочка моя? Что вы все знаете о Лесе, хоть и на краю его всю жизнь живете? И своей судьбы не ведаете, а все хотите чужую поправить!

Тут ее взгляд упал на рубаху, которую Милава прижимала к груди, на длинный вышитый подол, свесившийся почти до земли.

– Это что? – внезапно осевшим голосом спросила Елова.

– Рубаха, – тихо ответила Милава. – Я ее в Ярилин день берегине подарила, а теперь она мне назад отдала.

Елова помолчала. Она видела, что это правда. Помедлив, она сошла с порога внутрь избушки и знаком позвала Милаву за собой.

– Иди, иди сюда! – сказала она, видя, что Милава не решается войти. – О таких делах на поляне говорить нельзя. У Леса тысячи ушей и языков не меньше. Елки хоть и не болтливы, да со всяким оплошка бывает.

Милава поднялась на крыльцо и шагнула в сумрак избушки, прижимая к себе рубаху, словно щит. После утреннего света она как будто попала снова в ночь. Брезь спал на лавке, и даже дыхания его не было слышно.

– Садись. – Ведунья показала Милаве на кучу травы возле пустого очага и сама села напротив. – Рассказывай. Как ты ее добыла?

Помолчав, Милава начала рассказывать, сначала неуверенно, запинаясь, потом все смелее. Ведунья не перебивала, ее прищуренные глаза не отрывались от лица Милавы, а в чертах ее лица появилась отрешенность и при том сосредоточенность. На мгновение Милаве почудилось в ведунье сходство с Говорком, и от удивления она даже замолчала. И видимость сходства тут же пропала. Не могло быть ничего общего у ведуньи, знающей о Лесе все, что доступно смертному, с безумцем, не знающим ничего даже о себе самом. Но

разве они не дети одного и того же рода, не правнуки Вешника? И разве не оба они заменили человеческое родство на родство с Лесом?

– Так что же – хочешь ты берегиню поймать? – спросила Елова, когда Милава кончила.

Ее голос был ровен, в нем не слышалось ни презрения, ни досады. Было только удивление, но без недоверия. Может быть, впервые в жизни Елова повстречала такое: молоденькая глупая девушка отважилась в одиночку тягаться с Лесом и не без успеха – никому еще не удавалось получить назад рубаху, отданную берегине.

– Хочу, – просто и твердо ответила Милава.

Успех с рубахой убедил ее, что вся затея не так уж безнадежна. Она вспомнила, что родичи говорили о Елове: ведунья никогда не отказывается исполнить то, о чем ее просят, а уж если просил на свою голову, то и пеняй после на себя. А Милава твердо знала, о чем ей просить.

– Научи меня, как ее поймать. Раз я ее имя знаю – я ее смогу удержать, да?

Елова помолчала, потеряла кабаньи клыки у себя на груди.

– Хоть одно ты дело умное сделала – что у меня совета попросила, а не у того каженника, – сказала она наконец и презрительно сморщилась, вспомнив Говорка. – Он еще и не к Ырке, а и похуже куда пошлет, сам не ведая...

– Да ведь ты бы раньше не сказала мне ничего!

– Не сказала бы! – раздраженно подтвердила Елова. – Мала ты и глупа – в Лес лезть! И поумнее тебя пропадали! Гоняла я вас от Брезя, гоняла – да кому судьба, того не удержишь! Смотри – отца с матерью совсем без утешения в старости оставишь!

Милава промолчала. Она выбрала свой путь, и даже грозные пророчества ведуньи не могли ее смутить.

Елова поняла ее молчание.

– Поймать... – медленно проговорила она. – А того вам дед Щуряк не сказал – долго ли живет берегиня бескрылая? Три года она живет, а потом умирает, в воду бросается, а муж ее тоскует весь век, и век его бывает недолог... Не может небесное создание на земле жить, тесно им здесь и душно...

– Что же делать? – прошептала Милава.

– Что делать? – повторила ведунья и посмотрела на листочки в волосах Милавы. – Тебе бы дома сидеть, у чуров от Леса прятаться, а ты сама в пасть лезешь. Поймаешь берегиню – брата спасешь. А не поймаешь – сама пропадешь. Не боишься?

Милава промолчала и только решительно потрясла головой. После сегодняшней ночи она не боялась ничего.

– Имя – сила великая, да, – снова заговорила Елова. – Именем приманить можно, да удержать нельзя. Ты видала теперь берегинь – какие они?

– Красивые... – мечтательно сказала Милава и даже зажмурилась, чтобы яснее увидеть светлые легкие фигуры

с волнистыми длинными косами, невесомо пляшущие на льяном поле. – Легкие, как лунный свет.

– Верно – как лунный свет. Они хоть и Дажьбога дочери, да мать их – Луна, у них и кровь лунная, прозрачная и холодная. Чтобы их к земле привязать, нужна кровь человеческая, горячая. В крови большая сила сокрыта – в ней человеческий жизнеогонь живет. Возьми у брата крови – она к нему берегиню крепче украденных крыльев привяжет. Да как пойдешь к ней – берегись, ой, берегись! Коли ее не поймаешь – и сама не вернешься.

– Да отчего же они такие злые? – с отчаяньем спросила Милава. Ей было больно думать, что прекрасные девы с чарующими голосами, благосклонные к человеческому роду, так жестоки ко всякому, кто попадет к ним в руки. – Чего мы им худого сделали?

– Они не злы, да только по древнему закону человек быть один не должен. Коли девица без подруг – они ее себе в подруги возьмут, коли парень один – невесту дадут ему. Да только слабый дух человеческий их любви и дружбы вынести не может – вот и пропадают... Лес накормит, да Лес и съест...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.